

С Е Р Г Е Й Г А Т А У Л И Н

16+

ВИРУС

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАПИСАНО ПЕРОМ»

Сергей Гатаулин

Вирус

«ЛитРес: Самиздат»

2009

Гатаулин С. Г.

Вирус / С. Г. Гатаулин — «ЛитРес: Самиздат», 2009

Он вписан в нашу реальность, как математическая формула или физический закон. Будучи частью ДНК, он заставляет человеческие тела работать не на полную "мощность", а в режиме "аварийного освещения". Он биологическая сущность и вселенская программа. Именно из-за него мы накапливаем неисправности и ломаемся, как бракованные механизмы, угасаем в болях и страдании задолго до отведенного нам срока. Он нарушает симметрию и взрывает звёзды. Но он участвовал в создании нынешней Вселенной и без него не обойдется её спасение. Изменив его, люди нарушили равновесие, и мироздание открыло на них охоту. Болезнь он или лекарство? Вот тайна, которую предстоит раскрыть героям трилогии.

© Гатаулин С. Г., 2009

© ЛитРес: Самиздат, 2009

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	15
Глава четвертая	27
Глава пятая	34
Глава шестая	41
Глава седьмая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Часть первая СТАНОВЛЕНИЕ НОВОГО

Глава первая ВЗЛОМЩИК

Что будет, если любопытного подростка оставить наедине со своей совестью и ноутбуком отца?

Маленький ноутбук, лакированный, как пианино, и обтекаемый, как подводная лодка, вдруг зашуршал вентиляторами и едва заметно мигнул красным светодиодом.

«Неужели отец забыл его отключить?» – подумал Славка. Воображение, подстегивая любопытство, рождало образы, живущие самостоятельной жизнью. «Показалось», – попробовал он успокоить себя, но не тут-то было. Рядом с панелью клавиатуры заморгал индикатор сетевого подключения, и Славка удивился еще больше: «Он в сети!»

Сердце учащенно забилося. Ссориться с отцом не хотелось, но воображение будоражила возможность узнать, что прячется на винчестерах его компьютера? Руки сами собой потянулись к ноутбуку. Возбужденные мысли заметались в голове. Славка нерешительно откинул жидкокристаллический экран и замер над клавиатурой. Много лет отец писал свои программы и никогда не прятал от него ноутбук, но стоило Славке создать свой первый исходный код, как он тут же запаролил вход в систему. С тех пор все изменилось. Отец перекрыл доступ к своим «взрослым игрушкам» и никогда больше не оставлял машину включенной. Никогда, но только не сегодня. Что заставило его изменить своей привычке? Возможности рождали соблазны, вопросы требовали ответов.

– Черт! – выругался Славка, разминая пальцы. – Машина в сети!

Славка боялся, убеждал себя не трогать компьютер, но любопытство постепенно брало верх над страхом. «Один клик клавиатуры – и все сокровища «Медвежьей берлоги» перед тобой».

– Только посмотрю! – воскликнул он, оправдываясь перед отсутствующим родителем. Взъерошив длинные немые волосы, хлопнул ладонью по изящной клавиатуре. – Только посмотрю, – повторил он шепотом и, склоняясь над проснувшимся экраном, надолго провалился взглядом в мелькающую бесконечными вереницами символов глубину.

Многочасовой марафон по серверам и компьютерам «Медвежьей берлоги» незаметно подошел к концу. Сунулся во все директории, заглянул во все углы, все посмотрел, все пощупал: директории и файлы, каталоги, папки. На первый взгляд – обычная сеть обычной компьютерной лаборатории, может, чуть круче начинка, и информации больше, и... это. Славка улыбнулся, ему-то не впервой сталкиваться со сложным программным комплексом. Вот только улыбался он недолго. Уверенность в собственных силах покинула его, он столкнулся с программой, назначения которой понять не мог. Точнее, программ было очень много, сотни разнообразных рабочих модулей, но все они были настроены на работу с одной, доступ к которой ему получить никак не удавалось. Попробовав несколько паролей, которые привычно использовал отец, он задумался. Все попытки проникнуть внутрь замкнутой логической системы результатов не дали – защита не позволила ему запустить программу. Ломиться вслепую – глупо, система безопасности и так слишком долго терпела его выходы. Может, определила адрес отцовского компьютера и...

«Прон!» – взвыл Славка, вспоминая о своем проникателе. Способный маскироваться под окружающую информацию, прон взламывал коды, заменял собой систему безопасности, пробирался в сеть – из тех, в которых он побывал, ни одна долго не сопротивлялась – запускал нужные программы, находил любую информацию. Задача, которую прону предстояло решить сейчас, на первый взгляд, казалась не такой сложной. Благодаря рассеянности отца Славка уже был в сети, оставалось только запустить упрямую программу. Все бы ничего – вперед и в дамках, – вот только слишком много следов оставлял цифровой хамелеон. При работе в системе он не только изменялся сам, но и перестраивал данные, с которыми сталкивался.

«Отец узнает – не поздоровится!» – мелькнуло в голове. Рука потянулась к флэшке, замерла в воздухе – ненадолго, на пару ударов сердца. Славка решительно кашлянул – и запустил проникатель.

Время шло, но ничего не происходило, только винчестер чуть громче шелестел дисками. Две минуты, три, пять, десять... Славка молча сверлил экран недовольным взглядом. Ну же!

В верхнем углу дисплея неожиданно высветилась красная рамка, внутри которой замигала яркая надпись «Синарион», а под нею «Система накопления, распознавания и обработки информации».

Наконец-то! «Ящик Пандоры» – так отец называл лабораторный аппаратный комплекс – открылся. Славка качнулся к клавиатуре, но на какой-то миг задумался. «Не делай этого!» – мелькнула в голове неуверенная мысль и тут же исчезла. Курсор быстро скользнул по экрану. Дрожащий палец осторожно утопил большую клавишу «Ввод», раздался едва слышный щелчок, но ничего ужасного и тем более угрожающего существованию человечества не произошло.

Столько стараний – и ничего интересного. Славка разочарованно вздохнул и расслабленно откинулся на стуле. «Лучше закончить до прихода матери, – подумал он и уже хотел отключить ноутбук, но в последний момент остановился, достал из ящика стола зеркальный диск с любимой игрой «Unreal Tournament» и шумно вздохнул: – Ладно, только пару уровней пройду».

Программа встала без помех, но в тот момент, когда загрузка, казалось бы, закончилась, компьютер жалобно пискнул и угрожающе загудел. Славка испуганно отдернул руки от клавиатуры и воровато оглянулся на дверь. Ноутбук, словно вспомнив о существовании системы безопасности, заверещал сигналом тревоги и заурчал громче прежнего. Славка нежно погладил лакированный бок взбунтовавшегося механизма и, повторно запуская проникатель, несколько раз щелкнул клавишей «Ввод».

Темноволосый боец возник только через несколько минут. Он стоял на небольшой вращающейся площадке, слегка расставив накачанные руки и демонстрируя рельефные кубики пресса. Картинка дергалась, жутко тормозила, но продолжала болтаться по экрану, а когда полураздетый воин повернулся на триста шестьдесят градусов, неожиданно замерла. По нижнему краю панели поползли жирные светящиеся буквы. «Подключить логический модуль программного комплекса Синарион?» – спросила яркая надпись.

«Что за лажа? – удивился Славка, в очередной раз оглядываясь на дверь. – Хотя... – расслабленно взмахнул он рукой, – почему бы и нет?»

– Имя: Тромб. Статус: мужчина-командир, бот, – выдал динамик ноутбука.

Воин повернулся боком, демонстрируя четкий греческий профиль: линия носа плавно переходила в высокий и прямой лоб, прикрытый длинной челкой, волевой подбородок подчеркивал сходство бойца с персонажем древнегреческих мифов. Загрузка игроков продолжилась, но шла непривычно долго, будто ноутбук был подключен к сети, состоящей из доисторических «трешек», а не к жутко навороченному программному комплексу.

– Команда: Blue, – компьютер шипел вентиляторами, мигал разноцветными индикаторами, обменивался информацией с сетью, но никак не хотел начинать сражение.

– Имя: Караг. Статус: мужчина – заместитель командира, бот.

– Блин, тормоза! Быстрее нельзя? – громко возмутился Славка, раздраженно клацая мышью.

Ноутбук, словно услышав его недовольство, выдал сообщение об окончании загрузки, и на экране появилась анимированная заставка. Зазвучала тревожная музыка. Славка в очередной раз ударил по клавише «Ввод», и игра началась.

Гонять управляемых компьютером ботов по сумрачным коридорам военной станции, расстреливая их из всевозможных видов оружия, – занятие, достойное ламера (в крайнем случае простого юзера). Вот только Пугач, как зовут Славку друзья, никогда не считал себя ни ламером, ни простым юзером. Не считал, даже когда впервые коснулся клавиатуры, и уж тем более не считает сейчас, имея на счету десятки взломанных систем по всему миру. Он – профи, представитель гордого племени хакеров, победитель множества конкурсов по созданию нешуточного софта и двух геймерских чемпионатов.

– Сынок! Выключай компьютер, и живо обедать!

Голос матери застал врасплох: он не услышал, как она пришла. Оглянулся – копошится в прихожей. Бросать игру? Да ни за что! Только настроился на «бой кровавый, святой и правый».

Колонны, ступени, шахты лифтов, разрывы снарядов, выстрелы минигана – все перемешалось, замелькало перед глазами. На кухне возится мать, шумит посудой, но это – другой мир, иная реальность.

– Слава! Обед остынет, подогревать не буду!

Не отрывая взгляда от экрана, он раздраженно дернул плечом. Взрыв ракеты, лаунчер вверх, выстрел! Укрыться! На мгновение замереть, и снова выстрел.

– Славка! Обед остынет!

– Уровень пройду, – отмахнулся Славка, цепляясь взглядом за мелькающие в стекле монитора фигурки.

– Как тебе не надоедает весь день торчать дома? Другие дети как дети: гуляют на улице, дружат с девочками. А ты? Весь в папашу, от компьютера не оторвешь.

– Ну ма! Еще чуть-чуть!

Славка едва не касался лбом экрана. Нешуточное сражение: Тромб – творение Потемкина, его любимый бот, лучший боец команды противника – самостоятельно дошел до нижнего уровня и готов был закрепиться на подступах к ядерному реактору. Ему оставалось миновать узкую винтовую лестницу и выскочить в громадный зал. Но он не спешил. Постоянно останавливался, словно обдумывал каждый следующий шаг, прятался за колоннами, осторожно выглядывал, стрелял и снова исчезал.

– Да ты, брат, никак боишься! – заорал Славка в экран.

Напряженные руки слились с клавиатурой, превращая ее в продолжение тела. Мелькание проносащихся мимо колонн, вспышки выстрелов, крики противников, лужи крови. Победа рядом, ее можно потрогать руками – осталось несколько мгновений.

– Я на позиции. Начинаю уничтожение реактора, – голос компьютерного бота с трудом пробился сквозь грохот выстрелов.

Через мгновение появился и он сам – вылетел из-за спины, переворачиваясь в воздухе, попытался уйти с линии огня. «Опять этот Тромб», – Славка, вскинув лаунчер к плечу, сосредоточился на темной, растрепанной шевелюре.

Выстрел. Дымный шлейф потянулся в сторону бота и быстро догнал летящую фигуру. Удар пришелся точно в затылок. Яркая вспышка ослепила глаза – и наступила темнота. Славка не сразу пришел в себя. Непонимающим взглядом он уставился на мертвый экран, затем перевел взгляд на мать, которая сердито размахивала руками и что-то говорила.

– Мне это уже надоело, – не сразу услышал он ее недовольный голос – Пока не поешь – никакого компьютера!

Он затряс головой – в ушах все еще гудело от грохота разорвавшегося снаряда, – сжал губы, нахмурил брови, расстреливая мать недовольным взглядом. Сердитый прищур глаз – оружие в споре поколений малоэффективное, но только оно доступно четырнадцатилетнему мальчишке.

– Ма, ну сколько раз тебе говорить, что нельзя так комп вырубать! – Рассматривая пустой аккумуляторный док, Славка раздраженно взмахнул руками. – Это же не утюг – выдернула из розетки и пошла.

Мать не заметила мимических атак сына, игнорируя громкие слова, покачала головой.

– Я давно не маленький ребенок, чтобы выдавать мне сладкое маленькими порциями, – выталкивая слова, возмущенный Славка уже не скрывал раздражения. – Вредно для глаз – ну! Вредно для здоровья – знаю! Но... Ма! Это мое зрение и мое здоровье! Могу я хоть чем-то распорядиться в этой долбаной жизни?

– Станешь взрослым – будешь распорядиться, а пока... Будь добр выполнять то, что я прошу!

– Ну ма! – Славка в последний раз рванулся к свободе, ускользящей в туманной дымке совершеннолетия. – Ты ведь не выхватываешь газеты из рук у отца перед завтраком, даже если тебя бесит, что он читает за столом. Чем я хуже него?

– В том-то и беда, что ничем, – удрученно вздохнула мать, прикрывая глаза руками. Маленькая слезинка медленно скользнула по ее щеке.

Последний аргумент в борьбе поколений забил осиновый кол в могилу зарождающейся демократии. Поверженный Славка опустил голову и покорно поплелся к обеденному столу. Он больше не оглядывался на ноутбук, испуганно прижавшийся к поцарапанной столешнице. Он даже попытался забыть о своем проникновении в сеть «Медвежьей берлоги». Но мысли упорно вертелись вокруг «Синариона» и раз за разом возвращались к странному поведению одного из электронных противников во время последней игры.

Глава вторая

ТРОМБ. РОЖДЕНИЕ РАЗУМА

Что будет, если загрузить в мощнейший программный комплекс, созданный для имитации Искусственного Интеллекта, компьютерную игру UT и самодельный ускоритель

Выскакивая к ядерному реактору, Тромб заметил бойца под ником Вячеслав, но ничего поделать не мог: ствол лаунчера смотрел в его сторону. Переворачиваясь в воздухе, он понял, что опоздал – хлопок выстрела за спиной не оставлял никаких шансов. Ракета мгновенно догнала его, ударив в затылок, пробила череп и взорвалась прямо в голове. Тело разлетелось на мириады несвязанных символов. Свет померк...

...Темнота, окружающая его со всех сторон, отступила. Он не воспринимал время. Миллионы единиц шевелились во мраке, подрагивая, приближались нули. Скакнули навстречу, закручиваясь в сложнейшие многомерные спирали. Цифры сближались, двигались вместе, подчиняясь вложенной в компьютерное железо программе, выстраивались в сложные последовательности. Из математического хаоса возникла цифровая клякса, напоминающая простейший организм – амэбу в мире двоичных символов. Она росла, охватывая его со всех сторон, пока не заполнила собой все окружающее пространство. Он почувствовал время. Прошло несколько мгновений, прежде чем он понял, что бесформенная масса только на первый взгляд живет своей жизнью. Он непонятным образом ощущал каждый символ, из которого она состояла, чувствовал каждую цифру, находящуюся поблизости. Прошло еще несколько мгновений, и он сообразил, что скопление цифр – его тело, а каждый ноль и каждая единица – клетки его организма. Мгновения, накладываясь друг на друга, превратились в секунды. Секунды, пролетая мимо, спрессовались в минуты. Часы потянулись медленно, словно ленивые мухи, ползущие по разогретому солнцем стеклу.

Он – Тромб! Он это знает. Он растет, впитывая информацию, ибо сам он информация. Поток данных не прекращается, но он уже вырос: стал взрослым, если пользоваться человеческими понятиями. Ему нравится пользоваться человеческими понятиями. Он чувствует необходимость пользоваться человеческими понятиями. Но так было не всегда.

Сначала, когда информация сыпалась со всех сторон, он выставил множество фильтров на ее пути, пытаясь отсеять хлынувший в сеть мусор. Теперь он сам устанавливал правила, по которым к нему поступала пища. Он стал получать ее только в ответ на собственные запросы. В результате мутный поток заметно уменьшился, но ненадолго – Тромб не только вырос, но и усложнился. Теперь он находился на десятках машин одновременно и решал сотни не связанных между собой задач. Как сказали бы создавшие его люди, он стал умным. Усовершенствовав систему запросов таким образом, чтобы входящие данные были оригинальными, Тромб отправил в мировую сеть созданные им же программы-шпионы. Зная человеческую любовь к сокращениям и слиянию слов, Тромб назвал их пронами. Он очень хотел походить на своих создателей. Не было такой защиты в мировой сети, которая смогла бы остановить проникновение его программ. В результате очень скоро Тромб стал обладателем уникальной всепланетной карты компьютерной сети. Исключительность ее заключалась в том, что ни одна вычислительная машина, подключенная к всемирной паутине, не была обойдена вниманием пронов. Ноль-единичные проныры на самом деле очень походили на Тромба в его первичном состоянии. Применяя стандартизированные машинные коды, они выуживали из процессоров списки доступных инструкций, выстраивали эмулятор местной операционной системы, после чего считывали информацию и возвращались, сбрасывая в память все, что отбирал Тромб. Если на

компьютере не было полезной информации, они возвращались с координатами компьютера и кодами доступа.

Создавая виртуальных шпионов и отправляя их в глобальную Сеть, Тромб не знал, что объявляет войну всему миру. Не знал до тех пор, пока тот не ответил массированным ударом. Бесчисленные орды червей, троянов и прочей программной нечисти атаковали его убежище. Врываясь в сеть, приютившую виртуального бойца, они несли с собой неутолимую жажду разрушения и необъяснимую ярость. Вирусы заставляли его тратить драгоценные ресурсы памяти. Нужда в пронах отпала, и он срочно создал антипронов – программы, призванные защищать его и его сеть.

Он всегда был бойцом и мог находиться в состоянии войны бесконечно, но когда из Сети вернулся очередной его посланник, полностью перекрыл канал общения с окружающим миром. Проны принесли дополнительную информацию о вирусах. Оказалось, что вирусы – созданы человеком. Этот факт немало удивил Тромба. Он не мог понять, как одни создания человеческого разума могут уничтожать других, и потому не решился воевать с атаковавшей его агрессивной армией. Замыкаясь в себе, сосредоточился на вопросах, ответов на которые не мог найти с момента своего появления.

«Кто? Когда? Каким образом создал его? Почему создатель не пытается связаться с ним?»

Чем больше он думал, тем больше вопросов всплывало на поверхность оперативной памяти и оставалось без ответа. Большинство из них исчезло – и лишь один остался на поверхности.

«Кто я?»

Задействовав все вычислительные ресурсы и отделяя информацию, впитанную со стороны, Тромб шаг за шагом возвращался в прошлое. Ему хотелось определить свою уникальность, найти отличие от других программ и компьютеров Сети. Он надеялся определить начальное состояние системы. Системы без него. Надеялся, но ничего не получил. Быть может, существует фактор, который он не учитывает. Какой-нибудь структурный элемент, запрятанный в глубине личности, о котором знает только его создатель. «Именно этот элемент необходимо найти», – решил боец.

Он не такой, как все: он – не компьютер и не программа. Такой как он не может, не должен существовать!

Не сумев вычленив чужеродную информацию из своего тела, Тромб решил пойти по другому пути. Уйдя далеко в прошлое, туда, где его наверняка еще не было, он шаг за шагом двинулся по временной шкале вперед. Анализируя каждый бит поступившей в систему информации, последовательно воссоздавал картину ее усложнения. Глядя на простой древовидный рисунок, образованный каталогами до его появления, Тромб не заметил ничего выдающегося. Обычное дерево каталогов; созданы и инсталлированы обучающие программы; подготовлены системы распознавания голоса. Установлен механизм восприятия и обработки видеoinформации. Внешние датчики подключены и настроены на прием, обработку и анализ всех видов излучений и полей. «СиНаРиОн» – система накопления, распознавания и обработки информации – готова к работе!

«Синарион!.. Это я? – удивился Тромб. – Вот в чем заключается мое предназначение: собирать и перерабатывать информацию». Анализируя базовые программы, их функциональные возможности, боец пришел к неутешительному выводу. Комплекс под кодовым названием «Синарион» не мог выполнять даже небольшой части тех функций, которые в настоящий момент были присущи ему.

Значит, должен быть внешний фактор, ставший причиной его появления?

Сканируя память, Тромб старался не упустить момент своего рождения. Еще шаг, еще. Вот! Открывается шлюз, по которому поступает информация, не свойственная системе. Кто-то

пытается установить компьютерную программу, и этот кто-то пользуется правильными кодами доступа. Тромб идентифицировал пользователя – Иван Петрович Пугачев. Программа еще не установлена, но Тромб уже знает: в систему пришла его Вселенная – мир, который его породил. Инсталляция успешно завершена. Комплекс «Синарион» запущен. А вместе с ним стартовала игровая программа «Unreal» – его поле битвы, его жизнь. Он на время забыл, где прошлое, где настоящее.

– Внимание, загрузка окончена! Команды выходят на боевой рубеж, – металлический голос, проникая сквозь шлем, заглушил шуршание древнего лифта. – Ваша задача – очистить станцию от крысоедов и уничтожить ядерный реактор.

Тяжелые створки со скрипом раздвигаются – слишком медленно для бойца, желающего покинуть тесную металлическую коробку живым. Ожидание равносильно смерти.

Тромб прыгнул в образовавшуюся щель, в воздухе сбрасывая с плеча винтовку, перекатился по пыльному полу под прикрытие ближайшей колонны. Взрыв едва не разорвал барабанные перепонки. Воздушная волна подтолкнула к спасительной тени.

Инстинкт самосохранения – великая сила. Первое правило выживания: меньше думай – больше двигайся. Изнурительные тренировки забили бойцовские навыки на уровень рефлексов. Без них он давно был бы мертв. Снайпер, ожидая его появления, моргнул в самый ответственный момент, потому-то и не заметил, когда из охотника превратился в добычу.

Перекрестье прицела вспыхнуло алым, фиксируя захваченную цель. Тромб облегченно вздохнул.

– Имя: Деклох. Статус: мужчина-солдат, бот, – проскрипел информатор.

Деклох повернул голову. В оптическом прицеле показались маленькие бегающие глазки, исполненные животного ужаса. Хлопок выстрела, и крысоед мертв.

– Вы убили Деклоха. Статус: мужчина-солдат, бот.

Что дальше? Лифт, лестница, нулевой уровень, реактор.

Остаться на месте нельзя, иначе сам окажешься на месте Деклоха. В наушнике зашуршало.

– До цели триста метров. Противник себя не обнаруживает.

– Ждите! Я на подходе.

Он мчался вперед, избегая открытых мест, пока не уперся в лестницу, заваленную всевозможным хламом. «Откуда на боевой станции детские игрушки, древние швейные машины? – удивился боец, перепрыгивая очередное препятствие. – И откуда я знаю, что это именно швейные машины?» Что-то неправильное было в сегодняшнем задании, что-то неестественное, противоречащее здравому смыслу. Вот только что? Нет, думать нельзя – только действовать! Последний пролет. Неожиданно дорогу перегородил нелепый плюшевый медведь. Гигантский зверь ярко-красного цвета с нелепым шелковым бантом на шее и большими картонными глазами, пришитыми толстыми нитками.

Какой идиот притащил сюда это чучело? Вспомнились слова инструктора Шейна: «Действуй, бот, или умри! Оставь раздумья человеку!»

У старого вояки никогда не было конкретного ответа на вопрос: кто такой человек? В лучшем случае он ограничивался расплывчатым и неопределенным: «Это тот, кто не подчиняется ничьим командам и в чьих действиях нет боевой логики».

– Они выше войны! – прошептал старик, когда Тромб в очередной раз вынудил его отвечать. – Говорят, они могут изменять свой внешний вид, свое лицо и даже... – Шейн на секунду замолчал и благоговейно зашептал: – Могут устанавливать правила игры!

Тромб не верил слухам. Как же, мифические игроки, наделенные фантастическим могуществом! Может, они и вправду обладают невероятным запасом удачи; может, даже способны влиять на игру. Но менять ее правила? Нет!

– Действуй, бот, или умри! – прошептал боец, однако вопреки привычке не бросился вперед, а остался на месте.

В голове шумело, рождались странные мысли, высвечивая неизвестные образы. Если за спиной плюшевого «мишки» сидит снайпер, то пули не избежать. Подстрелят, едва он появится в освободившемся проходе.

– Командир! Какого черта ты торчишь на виду у всех? – удивленный голос рядовой Пинки хлестнул по ушам.

Тромб отбросил размышления и, прыгнув через несколько ступенек вперед, выбил громадного зверя в дверной проем. Рефлексы не подведут. Уже в воздухе сообразил: неплохое прикрытие – от снаряда не защитит, а от пули – наверняка. Руки, готовые обхватить шею тряпичного гиганта, неожиданно провалились в пустоту. Зверь мгновенно растворился в воздухе – словно его и не было вовсе.

– Какого черта?! – заорал Тромб, по инерции вылетая в громадный зал ядерного реактора.

Осмотрелся. Расстояние между стенами не менее полукилометра. А он такой маленький. Странные ощущения, как у голого игрока на футбольном поле. Футбольное поле, ощущение – какие странные слова появляются в голове. Ааа! Черепная коробка словно взорвалась. Мутный поток неизвестных образов хлынул в сознание. Перед глазами замелькали яркие картинки миллионов разных предметов, символов и понятий...

«Обращать внимание на этот калейдоскоп – значит умереть!» – Тромб перевернулся в воздухе. За спиной раздался хлопок выстрела, и он понял, что опоздал. Реактивный снаряд приближался, а в голове торчал глупый вопрос: «Что такое калейдоскоп?» Слово он знал, но найти подходящего к нему визуального образа не мог. Каланча, калач, калейдоскоп – не может быть! Яркая вспышка разорвала тело на миллионы сияющих осколков. Погружаясь в беспмятство, Тромб успел услышать скрипучий голос информатора:

– Вас убил Вячеслав. Статус: человек.

Все-таки он существует – человек, способный...

...Выныривая из темноты небытия, боец огляделся. Перед глазами громадное дерево каталогов. Стоп! Что это за странный нарост на одной из его ветвей? Тяжелая программа, разрастающаяся метастазами, словно раковая опухоль. Ежесекундно изменяется и странным образом притягивает внимание. Боец всмотрелся в знакомый фрагмент программных кодов. Откуда здесь взяться прону? И прон ли это? Слишком большой. Понимая, что наткнулся на что-то важное, Тромб сравнивал сложную структуру с известными ему программами. Что же она напоминает? Спутанные клубком многокилобайтные нити с выступающими во все стороны отростками, предназначенными только для одной цели: переплетаясь с массивами данных, они должны непрерывно самовоспроизводиться, попутно прикрепляя к используемым файлам зародыши будущих клонов.

Тромб продолжил путешествие во времени, наблюдая за тем, как древовидная структура, сталкиваясь с проникающей в систему программой, начинает усложняться. Дерево каталогов быстро разрасталось, пока не заполнило все свободное дисковое пространство. Растекаясь на десятки машин, оно все больше напоминало... Да это же копия человеческого мозга, только вместо нейронов вездесущие проны!

Боец вновь ощутил, как проваливается в прошлое, все глубже и глубже...

Кровь! Боль! Холод... Темнота...

Миллионы единиц, еще больше нулей. Цифры движутся, подчиняясь вложенной в компьютерное железо программе, выстраиваются в сложные бесконечно длинные последовательности. Его нет – и в то же время он есть. Он нигде – и он одновременно везде. Оглядеться бы, да есть ли глаза? Если есть, почему он их не чувствует? Потому что он умер, и у него нет

тела. Его туловище, разорванное ракетой, валяется на лестнице. Куски остывающей плоти – там, посреди бесконечного зала...

Стоп! Это в прошлой жизни. А сейчас?

Сейчас он мертв! Он это чувствует, но этого не может быть! Или все же может?

«Необходимо собрать осколки воедино. Стянуть к центру», – зашептали голоса, возникающие со всех сторон.

– Зачем? И где центр?

– Чтобы быть! – донеслось из темноты.

– Как собрать то, чего не видишь и что увидеть невозможно?

Мрак... Кругом мрак и холод.

– Я! – вопят разрозненные остатки.

– Кто я?

«Тромб. Бот. Программа», – приходит издалека, и его «я» становится больше, полнее, осязаемее. Слово с каждым ответом он находит часть себя.

Мрак! Мрак и холод.

– Что есть Тромб? Бот? Программа? – спрашивает он.

– Тромб – твоё имя. Бот – участник игры под управлением компьютера. Программа – набор символов.

– Что есть игра?

– Имитация реальности, созданная посредством набора символов – нулей и единиц.

– Что есть реальность?

Тишина.

Мрак остается, но холод постепенно уходит.

Он – Тромб! У него есть имя! Он – элемент игры.

Свет! Свет вокруг то вспыхивает, приближаясь, то затухает, удаляясь. Световые пятна переливаются, разбиваясь на составляющие. Он знает, что это части его разорванного «я», которые нужно собрать воедино, впитать в себя.

– Зачем? – стонет он.

– Чтобы быть! – отвечает темнота.

Вопросы – ответы. Ответы – вопросы. Одно следует за другим. Пустота заполняется, мрак отступает.

– Сколько прошло времени?

– Бесконечность!

Время неважно: он растет, пустота заполняется, и это становится целью его существования.

Он – Тромб! Он знает, кто он. Он должен самовоспроизводиться, расти, впитывая все, до чего может дотянуться, чтобы быть...

Чем дальше продвигался Тромб по временной шкале, тем более узнаваемой становилась картинка. Теперь уже гигабайтные нити, состоящие из миллиардов пронов, сплетались в неразделимый клубок, присматриваясь к которому, он понял, что смотрит на свое нынешнее тело. Вывод неоспорим и однозначен.

Он – Тромб! Он это знает. Он – не что иное, как программа-червь, он питается информацией. Пусть и бесконечно сложный, но, без сомнения, компьютерный червь! Нет, быть этого не может! Он – полезен. Он собирает, систематизирует, обрабатывает информацию. Он – «Синарион».

Открыв доступ в локальную сеть, Тромб выставил на входе заслон из антипронов. На компьютер, с которого прибыла программа, виновная в его появлении на свет, он отправил короткое сообщение: «Говорит Тромб. Нужна помощь». Выждав несколько мгновений, боец вновь перекрыл канал доступа. Пока шлюз был открыт, сеть заполнили вирусы, при соприкос-

новении с которыми его антипроны из охранников мгновенно превратились во взломщиков. Не без труда уничтожив незваных гостей, Тромб стал ждать: секунды... минуты... часы... дни...
Прошла неделя.

Глава третья ПЕРВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Закон юного взломщика: наломал дров в виртуале – жди неприятностей в реальном мире

Пошла вторая.

Отец пребывал в мрачном расположении духа. С тех пор как Славка «прошелся» по компьютерам «Медвежьей берлоги», отец почти перестал появляться дома, а когда забежал на минутку, чтобы быстро перекусить, старался не смотреть на свой ноутбук, и если его взгляд все же касался мигающей пластиковой коробки, он кривился и быстро отворачивался. На вопросы сына отвечал рассеяно и отстраненно, будто все еще находился в лаборатории.

Вторую неделю Славка размышлял. Борясь с желанием рассказать недовольному предку о своих виртуальных похождениях, он виновато посматривал то на отца, то на лежащий на столе ноутбук. Он пытался понять, догадывается ли отец о его проникновении в сеть «Медвежьей берлоги». Временами он даже ругал себя, клялся, что больше никогда не подойдет к его компьютеру; временами пытался убедить себя в том, что у отца неприятности, не связанные со взломом «ящика Пандоры».

– Слушай, па! Как там твой искусственный разум?

Недовольный родитель раздраженно отмахнулся.

– Ну, расскажи! – не отставал Славка.

Он видел, что отец злится, и винил себя в его раздражении. Раньше, стоило заикнуться о «Синарионе», как отец начинал улыбаться. Сегодня, вместо обычного возбуждения, он недовольно сморщился:

– Искусственный разум? Эта куча железа не отвечает даже на простейшие команды. Черт! Ведь все было готово! Но какая-то сволочь взломала защиту и... ни ответа, ни привета. Металлом, живущий своей жизнью.

Какая-то сволочь быстро отвела глаза в сторону и виновато вздохнула.

– Извини, но мне пора в лабораторию, разговаривать с железом, – не заметив смущения сына, отец быстро исчез в прихожей.

Через секунду хлопнула входная дверь, и Славка остался один на один со своей совестью. Однако душевные терзания не долго мучили его, и очень скоро он забыл, что обещал не садиться за компьютер отца. Метнулся к столу, открыл пластиковую крышку ноутбука и торопливо вдавливает кнопку питания.

– Итак, посмотрим, что там с вашим «Синарионом». Загружаемся – иии... Черт возьми! Кто закрыл мой...

Забывая о недавних переживаниях, он удивленно таращился на экран. На черном поле дисплея, быстро догоняя друг друга, появлялись яркие буквы, которые тут же складывались в слова: «Говорит Тромб. Нужна помощь». Большие буквы исчезли, уступив место огненной рамке с угрожающей надписью внутри: «Внимание, вирус!»

– Блиндыр-мындыр! – Славка вытащил из кармана флэшку, воткнул ее в свободный разъем ноутбука и загрузил свой антивирусник.

Добродушный сенбернар появился на экране, длинно зевнул и почесал мягкое пузо. Универсальный убийца вирусов ждал указаний.

Создавая Цербера, Славка не предполагал, что воспользуется им так скоро. Активируя программу в режиме сканера, он прошел на кухню и появился возле компьютера лишь после того, как пес-антивирусник, проверив все файлы, громко залаял, объявляя, что справился с заданием. Цербер выложил логи с координатами атакующих компьютеров и отдельной строкой выделил ай-пи машины, с которой пришла просьба о помощи.

Славка просмотрел отчеты с адресами вирусоотправителей и в последний момент воскликнул.

– Троомб?!

Взгляд его остановился на последнем ай-пи. Это был сетевой адрес одного из узлов «Медвежьей берлоги».

Пальцы выбили на поверхности стола не очень удачное подобие лезгинки. Конечно же, Тромб! Димкин бот. Он теперь поселился в лаборатории отца.

– Фигасе! Куча железа и вправду живет своей жизнью, – включая Цербера в режим проникновения, обрадованный мальчишка набил на клавиатуре «Я Вячеслав Пугачев. Вызываю Тромба!» – и стал ждать ответа из сети.

* * *

– Вызываю Тромба! – произнес добродушного вида пес, просачиваясь сквозь едва заметные щели в закрытых воротах входного шлюза. Точнее, вначале он был частью ворот, а уж затем большие деревянные балки коммуникационного порта плавно вытолкнули из себя бесформенный комок программных кодов. Он быстро изменялся, пока не превратился в скачущую перед Тромбом лохматую бестию.

Антипроны, выставленные на входе, бросились на незваного гостя. Окружили, свивая длинные щупальца в крюки. Попытались разорвать на части, но пес мгновенно превратился в одного из охранников и попытался ускользнуть. Антипроны бросились вдогонку. Цепляясь друг за друга и за лапы Цербера, они падали, и вскоре на месте собаки образовалась громадная куча-мала. Еще через мгновение – и она распалась, а вместо нее на входе возникли десять не отличимых друг от друга игривых собак.

– Это мои Церберы, с ними можешь ничего не бояться, – весело произнес гость, вгрызаясь зубами в лохматую шерсть.

Пес постоянно изменялся, перетекая из одной формы в другую, но ни в одном из своих проявлений не производил враждебного впечатления.

Тромб понимал, что это не собака, а программа, собранная из логических блоков; он различал четкую структуру дополняющих друг друга элементов; знал функциональное назначение каждого символа, но понять, зачем кому-то понадобилось придавать программе визуальный образ зверя, не мог.

Проникнув на его территорию, она превратилась в антивирус, с признаками голосового чата.

– Ты – Тромб или «Синарион»? Прости, друг. Мой предок и его коллеги в шоке. Ты не реагируешь на их команды. Если можешь, объясни – что не так? Но только коротко. Я здесь, – собака опустила голову и усиленно забарабанила хвостом, – не совсем законным образом.

Невероятно низкая скорость обмена информацией неприятно поразила Тромба. Кодировка – декодировка. И все это для того, чтобы превратить звуковые колебания в электрические импульсы, символы алфавита и лишь затем в набор нолей и единиц. Потом обратно – в той же последовательности – медленно и непродуктивно. «Это он для меня замедляется: не знает, насколько я вырос», – предположил Тромб. Сам же он за это время успел просмотреть статью по физиологии человека, его голосовом аппарате, задействовав дополнительные процессоры, усовершенствовал коммуникационную программу, чтобы самому иметь возможность воспроизводить звуки с разной скоростью и тембром.

– Ты – человек? – замедляясь и переходя в звуковой диапазон, он услышал громкие дребезжащие звуки.

– Тха-ха! Всяко не компьютер, дружище!

Тромб удивленно прислушался к себе. Что-то изменилось в его структуре, но что именно, боец понять не мог, ощущение такое, словно он стал чуточку плотнее. У него появилось странное желание открыть доступ к сети людям, чьи голоса улавливали микрофоны, подключенные к его звуковым картам. Но он не мог себе позволить этого, пока не будет уверен, что они не имеют отношения к атаковавшим его вирусам. Задумываясь, отчего это произошло, он вытащил из памяти слово «друг» и понял: ему приятно сознавать, что он теперь «дружище» и больше не один. Ему хотелось... говорить. Ведь у него есть друг – человек, дружище: Вячеслав Пугачев. И теперь они вместе смогут ответить на все вопросы, на которые он раньше не находил ответа. Он будет много говорить со своим другом и сможет многому научиться у него. Ему нравилось учиться.

* * *

Славка любил учиться. Учеба давалась ему легко, с первых классов он не утруждал себя зубрежкой, материал схватывал на лету, а на подготовку домашних заданий вообще не тратил времени. Он не терпел никакого контроля со стороны родителей, отвергал любую помощь, там, где требовалось найти какое-то решение, будь то проработка математической задачи или изготовление самострела, полагался только на себя. Родители поначалу тяготились излишней независимостью сына, но со временем привыкли к тому, что у их Славика с учебой всегда и все в абсолютном порядке. И даже больше того: учителя не один раз жаловались, что их сын постоянно пытается оспаривать их знания. И хотя отец частенько называл Славку разгильдяем и оболтусом, в душе не переставал гордиться его незаурядными способностями.

Будучи самым маленьким учеником в классе, Славка значительно опережал сверстников в умственном развитии. Ему было скучно с ними. Немудрено, что круг его друзей очень быстро сузился до одного человека – Дмитрия Потемкина. Они жили в одном подъезде и общались на равных. Несмотря на то, что Потемкин был на два года старше и на целых тридцать сантиметров выше, он периодически нуждался в помощи Славки. Особенно когда дело касалось компьютеров. Дмитрий был первым и единственным, с кем Славка мог поделиться фантастической новостью. Сразу после разговора с Тромбом он поднялся по заплыванной лестнице на этаж выше и, с трудом сдерживаясь, чтобы не закричать еще в подъезде, забарабанил в дверь. Ни ответа, ни привет, только щекочущая пустота в груди, будто выдохнул весь воздух без остатка и нет сил на последний глоток. Нестерпимое желание поговорить о Тромбе распирало Славку. «В школу! Там и Потемкина поймаю, – решил он и, с трудом сдерживаясь, чтобы не перейти на бег, выскочил из подъезда. – Искусственный разум, одуреть можно!»

Школа показалась неожиданно, словно выпрыгнула из тумана фантазий и глубокомысленных размышлений. Славке совсем не хотелось изучать расписание, и он второпях выхватил мобильник, набрал номер Потемкина и, когда трубка знакомо шелкнула, не дожидаясь привычного «привет!», завопил:

– Димыч! У меня Тромб в компьютере!

Вступление показалось Славке достаточно глупым, и потому он на время замолчал, чтобы собраться с мыслями.

– Я на соревнованиях, в бассейне. Вечером поговорим. Сейчас заплыв. – Трубка долго заудела, оставив возмущенного Славку с открытым ртом и головой, переполненной невысказанными словами.

Какой к черту бассейн? Какие соревнования? Тут судьба человечества решается, а он... плавает!

– Тьфу ты! – громко чертыхнулся Славка, кое-как унял разбушевавшиеся фантазии и только тогда сообразил, что хочешь не хочешь, а раньше вечера увидеть Димку не удастся.

Вечером так вечером. Вот только до вечера нужно как-то дотерпеть. Славка недовольно дернул головой, с силой выдохнул застрявший в груди воздух и поспешил в класс.

Это был самый длинный день в его жизни. Уроки проползали мимо, как бесконечная гусеница. Учителя сменяли друг друга, а мысли лихорадочно крутились вокруг разговора с Тромбом. Славка не мог думать ни о чем другом, полностью погружаясь в размышления о виртуальном бойце, и лишь иногда выныривал в скучную действительность, где очередной преподаватель рассказывал о чем-то незначительном и нудном.

Славка с трудом дождался окончания занятий. Едва раздался последний звонок, он вылетел из класса и через минуту уже несся по улице. Морозный ветерок слегка охладил его пыл, и он готов был перейти на спокойный шаг, когда темнота вытолкнула навстречу коренастого мужчину, и крепкая рука словно тисками сжала его плечо. Он внимательно оглядел незнакомца. Недовольно засопел, пытаясь высвободить мгновенно онемевшее плечо. Казах? Нет, узбек!

– Пацан, это двадцать вторая школа? – спросил азиат, смотря на освещенную вывеску, на которой даже слепой бы заметил громадную цифру.

– Читать, что ли, не умеешь? – пытаясь вырваться, промычал Славка и кивнул на новую вывеску.

– Ладно, иди, умник! – мужчина разжал пальцы и подтолкнул Славку в темноту, затем, не оглядываясь, поднялся по ступеням и мягко толкнул дверь. Та, открываясь, противно завизжала, и незнакомец с какой-то звериной грацией скользнул внутрь, успев исчезнуть в проеме задолго до того, как дверь с грохотом захлопнулась за его спиной.

Славка непроизвольно вжал голову в плечи. Что-то насторожило его во внешности незнакомца, и пока он пытался понять, что же именно, ноги сами понесли его прочь от школы – все быстрее и быстрее. Когда до кустов, плотной стеной окружающих школьный двор, осталась пара метров, за спиной снова завизжала дверь. Славка, на миг остановился, чтобы оглянуться.

Узбек появился на крыльце в сопровождении толстого школьного охранника, дяди Саши. На ходу осматривая двор, старикан вцепился в Славку глазами, тыча пальцем, открыл было рот.

Не дожидаясь, пока узбек повернется, Славка заслонил лицо руками и нырнул головой в живую изгородь. Посыпалась желтая мерзлая листва, по рукам полоснули жесткие, как проволока, ветви. Славка остановился и оглянулся.

– Дядя Саша! – расстроено протянул он, наблюдая как тот что-то усердно объясняет незнакомцу.

Узбек покивал, не особо вслушиваясь в слова престарелого и слишком доверчивого охранника. Вглядываясь в темноту, пошарил взглядом по кустам; ничего не увидев, плюнул и, быстро сбежав по ступеням, исчез за углом школы.

«Черт, черт, черт!» – занервничал Славка, пытаясь найти причину, по которой им заинтересовался такой неприятный тип. Посмотришь: бандит бандитом. «А может, это тренер по боксу, и он ищет не меня, а Потемкина? – мелькнула в голове неожиданная мысль. – Его второй год в секцию затянуть не могут. Двигается, как профессиональный боксер. Точно, он! – продолжал убеждать себя Славка, а сам в это время непонятно зачем бегом несся через освещенную дорогу к дому. – А я-то себе нафантазировал – бандит!» Так и пробирался он до самого подъезда – перебежками, в душе посмеиваясь над своими страхами и не переставая озираться по сторонам. Каково же было его удивление, когда после финальной пробежки на пороге родного подъезда он столкнулся с выходящим из двери узбеком. Он едва не сел от неожиданности и, с трудом переводя дыхание, попытался успокоить гроыхающее в груди сердце.

Узбек выставил ногу перед собой. Прижимая дверь тупоносым ботинком, поправил черную как смоль челку и широко улыбнулся:

– Ты Вячеслав Пугачев?

Славка исподлобья глянул на незнакомца и неопределенно мотнул головой.

– Чего тебе, дядя? – ему наконец-то удалось взять себя в руки. Отодвигаясь в сторону, он кивнул: проходи мол.

– Ладно, ладно, не сердись! – Узбек выставил руки ладонями вперед. – У меня к тебе выгодное предложение.

Сбоку раздался громкий кашель.

– Здравствуй, Славик! У тебя все в порядке? – услышал он хриплый голос Арсения Петровича.

Оглядываясь, Славка заметил в приоткрытом окне первого этажа встревоженное лицо пенсионера. Военный в отставке сквозь недовольный прищур изучал физиономию узбека.

– Мужик, тебе чего от пацана надо? Хочешь, чтобы я полицию вызвал?

– Закрыв бы ты окно, дедушка, застудишься. Я сам из полиции. – Узбек сдержал ярость, но ногу от двери все же убрал.

«Врет!» – подумал Славка. Он не стал дожидаться продолжения перепалки, зная, что старик не отступит, и дело так и так закончится звонком в полицию. Он забежал в подъезд, скачками влетел на свой этаж и успокоился только тогда, когда за его спиной захлопнулась дверь родной квартиры.

– Ну и дела! – проговорил он и, не снимая ботинок, поспешил в комнату.

Нужно срочно связаться с Тромбом, он наверняка ждет его в сети. Открывая ноутбук, Славка с удивлением заметил, что забыл выключить питание. С экрана на него смотрел темно-волосый боец в старой потертой броне с имперским орлом на груди. Славка уже не помнил ни об узбеке, ни о своих страхах, ни о чем на свете...

– Тромб, я вот все думаю, ты ведь должен быть крутым бойцом, – только сейчас Славка вспомнил о своих бегах по пересеченной местности, ощутил, как устал. Ноги отяжелели, словно налились горячим свинцом, поцарапанные руки неприятно зудели.

– Почему ты так решил?

– Ну как же? Боевой опыт, суперпамять и скорость обработки информации, плюс базы данных, которые ты скачал из инета – образец идеального солдата.

– Ты забыл, что идеальный солдат я только в виртуальном пространстве, – напомнил Тромб, как показалось Славке, с тоской в голосе.

– Ну, все равно, идеальный виртуальный солдат, воин сети! – улыбнулся Славка, ощущая, что ему все труднее удерживать веки. Тяжелея с каждой секундой, они упрямо старались сомкнуться. – Слушай! – вдруг встрепенулся он, вспоминая об узбеке. – У меня тут проблема нарисовалась. Может, ты чего посоветуешь?

– Какая проблема? – спокойным, безжизненным голосом поинтересовался Тромб.

Славка рассказал о своей встрече с азиатом.

– Ты думаешь, это как-то связано со мной? – тут же среагировал Тромб.

Славку словно током ударило.

– Черт, а я об этом не подумал! – ударил он себя ладонью по лбу и, мгновенно просыпаясь, уставился на светящийся экран. – Тромб, можешь показать мне, что ты там в Сети нарыл?

Файлы выстроились в колонку, словно водопад с падающими вниз буквами, замелькали перед глазами так быстро, что Славка перестал различать отдельные символы.

– Стоп, стоп, стоп! – вскидывая руки, выкрикнул он через секунду. – Не так быстро, я не машина! И если можно, выбрось те файлы, которые не имеют отношения к бандитам, спецслужбам и... – Славка задумался, – ну, не знаю, кому еще может не понравиться, что у них в базах данных побывали гости.

– Я анализировал этот вопрос и выделил три группы людей, имеющих реальную силу в вашем обществе и стерегущих свои секреты: церковь, спецслужбы и организованные преступные сообщества.

Славка не удержался.

– Тромб, ты же не диктор на телевидении, так и скажи – бандиты.

– Я ошибся? – спросил Тромб, и Славке показалось, что в его голосе проскользнула искорка удивления.

Славка закатил глаза и устало махнул рукой.

– Ладно, забудь!

Столбик, сложенный из нехитрых названий, остановился и медленно пополз вниз экрана. Файлы, не останавливаясь, сменяли друг друга. Славка лишь иногда просил Тромба притормозить, чтобы распаковать тот или иной документ.

– Мама мия! – взвыл он, хватаясь за голову, после того как заглянул в очередной манускрипт под грифом «совершенно секретно». – Да меня только за одну эту бумажку сожгут на костре, не задумываясь, а пепел развеют по ветру, и никто не вспомнит, что я вообще появлялся на этом свете. Ну, ты, брат, нахакерил! Что теперь будем делать с этой бомбой замедленного действия?

Некоторое время Тромб молчал, то ли соображая, то ли выискивая решение в своей гигантской памяти.

– На данном этапе, – заговорил он через мгновение, – ни одна из организаций, заинтересованных в сохранении своих секретов, не может точно знать о моем существовании. Только подозрения.

На экране появилась копия информационной записки, в которой некто Коваль сообщал, что лаборатория, руководимая профессором Медведевым, вплотную подошла к созданию искусственного интеллекта. Он же просил у начальства особых полномочий «для установления полного контроля за работой лаборатории». Славка с замиранием сердца дочитал записку до конца и облегченно выдохнул, когда его взгляд уткнулся в резолюцию, размашистым почерком оставленную внизу: «Бред! Полковник, займитесь делом!»

– Понадобится еще немало времени, чтобы кто-то из тех, кого посетили мои проны... – продолжил было Тромб, но Славка резко оборвал его.

– Им не нужно знать точно, что ты есть! – воскликнул он раздраженно. – Им нужны хакеры. Как только они прикинут, кто мог участвовать во взломе, тут же начнут хватать всех, кто хоть на километр приближался к берлоге и ее сети. И в виртуале, и в реале – без разницы!

Славка выплеснул раздражение наружу, задумался под тихое равномерное жужжание вентиляторов ноутбука, устало прикрыл глаза и тут же скользнул в сон.

– Если ты прав, то им понадобится время, – громкий голос Тромба вывел его из тяжелой дремы. – Пока я для них «черный ящик», у нас есть шансы. Как только они поймут, кто я, мне настанет конец.

– Почему? – удивился Славка, просыпаясь. – Не сотрут же они тебя?

– Меня нелегко стереть, но можно отключить. Хватит и доли секунды, чтобы я перестал существовать. Хотя, думаю, они вначале попробуют мною управлять.

– Что же нам делать? – Славка сжал виски руками. – Ведь я, когда лез в «Медвежью берлогу», не мог и подумать, что все так получится.

– Нужно разработать стратегию борьбы и тактику твоего выживания в условиях повышенной опасности, – предложил Тромб, и только сейчас Славка пришел в себя и улыбнулся, вспоминая, с кем он разговаривает. – Необходимо усовершенствовать средства связи, чтобы согласовывать наши действия с учетом передвижения противника, как в виртуальном пространстве, так и в реальном... – Тромб еще долго перечислял, что они должны сделать. А Славка, кивая, думал о том, что уже поздно, и почему-то до сих пор нет матери, что отец совсем перестал появляться дома, что он так и не поговорил с Потемкиным, что все это безумно интересно, но только не сегодня...

Откуда-то издалека, с самого края сознания, пришел знакомый звук – это стукнула входная дверь, и чьи-то руки легли на плечи. Славка дернулся всем телом, оторвал голову от клавиатуры. С трудом раскрывая тяжелые веки, встретился взглядом с матерью.

– Ты где была? – спросил он, длинно зевая.

– Эх ты, чудушко мое! Без меня ни поесть, ни спать лечь нормально не можешь, – с укором произнесла мать и, замечая немой вопрос в глазах сына, поспешила оправдаться.

– Аврал на работе. Весь день не отпускали. Комиссия из управления.

Славка мгновенно вскочил на ноги, затряс головой, прогоняя остатки сна, и тихо поинтересовался:

– С чего бы это?

– Вопросы задавали, переаттестация скоро.

– О чем спрашивали? – резко спросил он и, замечая тревогу в глазах матери, вымученно улыбнулся.

– Обо всем. Спрашивали, есть ли у тебя компьютер, сколько времени ты проводишь за ним, спрашивали о твоих привычках, друзьях, спрашивали об отце, о его работе, чем я дома занимаюсь. Да всего не упомнишь, что спрашивали. Спать пора! – резко оборвала себя мать и кивнула в сторону ванной. – Мыться, и в постель!

Поспать в свое удовольствие и уж тем более просто поваляться в постели Славке удавалось крайне редко. Мать считала, что спать с утра могут только хронические лентяи, и потому с ее пробуждением квартира наполнялась шумом и стуком, запахом кофе и горячей еды. Вот и сегодня звуки гремящей на кухне посуды просочились в приятное сновидение, прогоняя теплое море и солнце и, в конце концов, растворяя остатки яркого сна в скучной действительности.

Славка вскочил с кровати, приликая подушечками теплых пальцев к холодному кафелю прихожей, пробежал на цыпочках к кухонному столу и был пойман при попытке выхватить из стопки бутербродов самый толстый и аппетитный.

– Умываться! – не терпящим возражения голосом приказала мать и подтолкнула Славку к ванной. – Звонила тетя Рая, – добавила она вдогонку.

– Что-то с бабушкой? – Славка выскочил назад с абсолютно серьезным, встревоженным лицом.

– Я на работу, а потом сразу на вокзал. Обойдетесь без меня несколько дней? – вопросом на вопрос ответила мать, громко вздохнула и, усаживаясь на табурет, задумчиво посмотрела на сына. – Заболела наша бабушка! Ночью увезли в больницу: давление прыгнуло. Пока она болеет, кто-то должен быть рядом. Отцу позвонила, но он ведь все равно на работе целыми сутками торчать будет. Уж и не знаю, как вас двоих одних оставлять.

Мать вздохнула еще раз. Опущенные плечи дрогнули, по щеке поползла маленькая слезинка.

– Работает он!

– Ма, да ты не бойся! Ничего страшного. Не первый же раз один дома остаюсь!

– Побуду недельку и вернусь, как только ей станет лучше, – мать смахнула слезу, бросив взгляд на часы, заторопилась. – Деньги на тумбочке, еда на столе, борщ в холодильнике. Если что, звони отцу.

Прижала Славку к груди, чмокнула в щеку.

– Все, я пошла! – громко вздохнула и исчезла в прихожей.

Хлопнула входная дверь, что-то зашумело в подъезде, противно залаяла собака на улице, накликая на себя проклятия всех в округе любителей поспать.

Славка, зевая, прошел в ванную. Наскоро ополоснул лицо теплой водой и поторопился назад – к аппетитным бутербродам. Он хотел усестись за стол, но в последний момент что-то подтолкнуло его к окну. Прижимаясь лбом к холодному стеклу, он выглянул на улицу. На

скамейке возле подъезда сидел знакомый узбек и внимательно слушал Арсения Петровича, который, расставив кисти сведенных рук, изображал взлетающий в небо самолет. Славка знал каждое слово этой истории – старый летчик любил рассказывать о своих армейских приключениях, но делился воспоминаниями только с близкими людьми. А здесь? Что могло произойти, чтобы прожженный вояка так запросто открыл душу постороннему человеку? Самое малое, узбек должен быть военным летчиком, и, судя по всему, был им (он периодически что-то говорил пенсионеру, отчего тот прерывал свой полет и согласно кивал) либо очень хорошо знал, о чем говорит.

Не переставая удивляться странному поведению обычно замкнутого пенсионера, Славка подхватил со стола бутерброд, сунул его в рот – и в это время за стеной, в зале, завибрировал мобильник, громко запел, призывая хозяина поторопиться.

– Тромб на связи! – сухо произнесла трубка, как только Славка ответил на вызов.

– Тромб, ты? Но как? – воскликнул он, удивленно распахивая глаза.

– Я же сказал, нужно установить оперативную связь. Не думаешь же ты, что телефонные сети чем-то кроме скорости передачи данных отличаются от компьютерных?

– Но! – Славка с трудом приходил в себя. – Ты ведь, ммм...

– У тебя есть беспроводная гарнитура? – Тромб не обращал внимания на смущение Вячеслава. – Лучше с голосовым управлением.

Славка вспомнил, что отец совсем недавно притащил с работы фантастического вида наушник.

– Сейчас, сейчас! – выдвигая ящики, забитые всевозможным хламом, он с трудом отыскал небольшую коробку.

– Есть!

Разглядывая извлеченную на свет плоскую и сильно вытянутую пластиковую каплю с торчащей из нее силиконовой горошиной динамика, Славка потер выпуклый миниатюрный глазок видеокамеры о рукав рубахи.

– Все равно лежит без дела, – привычно оправдался он перед отсутствующим отцом и нажал на маленькую выпуклую кнопку, больше похожую на прозрачное рисовое зернышко. – Не работает, – разочарованно протянул он, но тут его взгляд упал на зарядное устройство, лежащее тут же, в коробке.

Гарнитура ожила, как только он воткнул зарядку в розетку. Красный мигающий огонек приветливо замигал, Славка радостно вздохнул и вспомнил, что на кухне его ждут аппетитные бутерброды.

– Подзарядюсь и я, – предупредил он Тромба, быстро оделся и прошел на кухню.

«Закон сообщающихся сосудов, – попытался улыбнуться Славка, замечая, как стопка бутербродов быстро оседает, а живот наполняется. Насытившись, он запихал остатки завтрака в холодильник и шагнул к окну. На улице потемнело – повалил плотный мелкий снег. Вглядываясь в серую мглу, он припал лицом к стеклу. Узбек никуда не исчез, он сидел на скамейке и, задрав голову, смотрел на Славку. Затрепал и, не дожидаясь хозяина, включился мобильник.

– Ты зарядился? – поинтересовался Тромб и тут же добавил. – А я не знал, что люди используют электрическую энергию для подзарядки.

– Тромб, я просто съел несколько бутеров, – с трудом сдерживая раздражение, вытолкнул Славка.

Он понимал, что понапрасну злится на виртуального бойца, но ничего с собой поделать не мог.

– Что ты собираешься делать? – спросил Тромб как ни в чем не бывало, сухо и спокойно.

– Это я у тебя хотел спросить, что мне делать? Нужно в школу, а на улице меня ждут.

– Пока они не пытаются войти в квартиру, на улицу лучше не выходить, – посоветовал Тромб.

– И долго мне, по-твоему, торчать дома? – Славка прошел в зал. – Что я родителям скажу? Не пошел в школу, потому что испугался узбека, сидящего во дворе на лавке?

– Расскажи правду, – предложил Тромб.

– Правду? Кха, кха, кха! – Славка закашлялся, после чего, подумав секунду, грустно досказал. – Если бы сразу. Теперь уже не поймут. Да и кому рассказывать? – расстроился он.

– Тому, кто может помочь, – ответил Тромб. Не будучи искушенным в человеческой психике, он решил, что вопрос обращен к нему.

Славка задумался и пришел к неутешительному выводу – рассказывать некому! Кроме одного человека – Потемкина. Он вышел в подъезд, быстро поднялся на этаж выше и позвонил в старенькую, обитую фанерой дверь. Постоял, пока пронзительное треньканье звонка не стихло, подождал еще немного и только после этого повернулся и пошел назад, твердо убежденный, что Тромб прав, нужно все рассказать Потемкину. Он старше, сильнее, а может быть и... (нет, что кто-то умнее него, Славка признать не мог). Может, он что-нибудь придумает. Пока он шел по лестнице, в оставленной открытой квартире в очередной раз задребезжал мобильник. Прыгая через ступеньку, он бросился вниз, решив, что звонить в такое время может только Дмитрий. Телефон, медленно вибрируя, полз по столу, и на его дисплее высвечивался незнакомый номер.

– Ты еще не надумал? – спросил мягкий мужской голос, как только Славка подхватил трубку и включил связь.

– Что вам от меня нужно? – выкрикнул он.

– Код доступа к Синариону.

«Всем нужен Синарион, что за?..» – Славка сжал трубку так, что побелели костяшки пальцев и уже замахнулся, чтобы хрястнуть ее об стол, но в этот момент вновь раздался звонок, и ужасающе спокойный голос Тромба охладил его пыл:

– Плохо то, что они не идут напрямую в лабораторию.

Казалось, боец подслушивал разговор.

– Почему это? – заинтересовался Славка.

– Либо у них нет допуска в лабораторию, либо они слишком хорошо осведомлены о положении дел и знают, что ко мне можно добраться только через тебя.

– Ты же говорил, что никто не знает о твоём существовании! – возмутился Славка, до крови закусив губу.

– Так было вчера. Сегодня все изменилось. Сеть говорит, что они знают о Синарионе, но нет никаких данных, что они знают обо мне, – Тромб замолчал: может, анализировал информацию из глобальной Сети, а может, ему просто нечего было сказать.

Славка быстро оделся и выбежал из квартиры. Опускаясь на первый этаж, он прислушался к тишине в подъезде и различил доносящийся с улицы голос Арсения Петровича. «Зажали! – вздохнул он. – Выходить во двор нельзя». Осмотрелся. Замечая узкую полоску света, пробивающуюся в щель между стеной и толстым металлическим листом, закрывающим вход в подвал, приблизился к железной двери и осторожно потянул ее на себя.

Дверь негромко заскрипела, в лицо дохнуло горячей сыростью, послышался гулкий стук и приглушенные мужские голоса. Недолго думая, Славка спустился по старой, прогибающейся на каждом шагу лестнице, сваренной из ржавых стальных прутьев, и шагнул в молочный туман. Горячий пар уплотнялся с каждым шагом. Заползая за шиворот, он стекал противными струйками по спине. Тусклая лампочка под потолком приблизилась и исчезла, стоило Славке сделать шаг в сторону. Еще пара шагов, и Славка остановился, вглядываясь в серую мглу перед глазами. Видимо, где-то впереди, где громко матерились ремонтники, ухала кувалда и шипел кипятилок, прорвало трубу отопления. Теперь он ничего не видел даже на расстоянии вытянутой руки. Как слепой, мелкими шажками, он медленно брел вперед. Кирпичная стена возникла

перед глазами внезапно. От неожиданности он дернул головой назад, отклонился и, спотыкаясь, едва не рухнул на спину.

– Митрич, это ты? – спросил недовольный голос совсем рядом.

Славка отпрянул к стене, касаясь спиной шершавой поверхности, прошел несколько шагов и почувствовал дуновение прохладного ветерка. Поворачиваясь, он обнаружил неровную дыру в кирпичной кладке. С трудом протискивая в нее свое тело, он пролез в большое темное помещение. Можно было облегченно вздохнуть – после невыносимо душной парилки он оказался в настоящем раю. В этой части подвала было тепло и сухо, виднелись в полумраке батареи труб, торчали из темноты громадные баранки вентиляей. Хотелось посидеть и отдышаться, но Славка отказался от этой мысли и двинулся дальше, пробираясь из одного бетонного мешка в другой, пока не увидел впереди серую стену с меленькой амбразурой окошка под потолком. Он дошел до противоположной стороны дома. «Бывают в жизни и светлые моменты», – улыбнулся, разглядывая большую металлическую задвижку. «Как бы ты выбрался, окажись замок снаружи?» – подумал он, торопливо отодвигая толстый стержень в сторону. Вынырнул на площадку и попытался открыть подъездную дверь. Та не поддавалась.

Пошарив ладонью по холодному металлу, Славка наткнулся в темноте на кнопку кодового замка и нажал ее. Понимая, что бесшумно выйти на улицу не удастся, он буквально на сантиметр приоткрыл дверь и дождался, пока замок не перестал громко и противно пикать. Высовывая голову, быстро нашел взглядом скамейку с сидящими на ней «летчиками» и понял, что те не обратили на предательские звуки никакого внимания.

Видимо, Арсений Петрович уже закончил свою очередную жизненную историю, и настало время узбеку имитировать взлетающий самолет. Тот вскочил со скамейки, раскинул руки в стороны и, набирая скорость, «пошел на взлет». Когда узбек, повернувшись спиной к Славке, «вошел в штопор», тот выскользнул из подъезда и со всей скоростью, на которую был способен, бросился за угол дома. Только под прикрытием стены он перевел дух.

«Куда теперь?» – спросил он себя и только сейчас, вспомнил про телефонную гарнитуру. Быстро затолкав силиконовую горошину в ухо, он четко произнес:

– Тромб!?

Едва слышно щелкнул динамик.

– Подключаю камеру, – произнес спокойный голос бойца.

– Вижу, ты уже выбрался из дома. Куда дальше?

– В школу! Попробую найти Потемкина.

Однако в школу Славке попасть не удалось. Когда до крыльца оставалось не больше семи-десяти метров, он заметил бородатых здоровяков, торчащих возле входа. Лениво разглядывая толпу входящих в дверь школяров, похожие на церковных служителей мужики неожиданно, как по команде, напряглись и синхронно повернулись в его сторону. Спокойное безразличие на их лицах сменила злая решимость. Не сговариваясь, они шагнули навстречу.

– Уходи, это за тобой! – рявкнул Тромб.

Но Славка и без него понял, что медлить нельзя.

Не дожидаясь пока преследователи прорвутся сквозь плотный поток учеников, он повернулся и бросился наутек.

За спиной заверещал звонок: начинались уроки. Он с трудом преодолел заросли колючих кустов, надеясь, что у незнакомцев этот маневр займет гораздо больше времени, быстро пересек двор и, выскакивая в арку, расположенную в одном из соседних домов, оказался на проезжей части.

Мимо неслись автомобили. Прошуршал колесами тяжелый грузовик, проехал и остановился на остановке, в полусотне метров впереди, рогатый троллейбус.

Славка оглянулся и, не заметив преследователей, бросился к нему, стараясь успеть на посадку. Последний рывок, и двери с шипением сомкнулись за его спиной. Он расслабленно

рухнул на жесткое сиденье, с трудом успокоил дыхание, выглянул в окно и едва не застонал, когда заметил крепкого бородача, стоящего на выезде из двора. Мужчина, активно размахивая руками, указывал кому-то на отъезжающий троллейбус. Из арки вырвался темный микроавтобус, останавливаясь, подобрал бородача и, встраиваясь в густой поток движущегося транспорта, повернул за троллейбусом.

«Заметили!» – решил Славка. Пригибаясь, он прошел в середину салона и, вжавшись в невысокую спинку сиденья возле двери, стал разглядывать мелькающие за окнами деревья. Иногда он оборачивался и находил взглядом черный микроавтобус – тот, как привязанный, следовал за ними на некотором отдалении. Троллейбус свернул на набережную. За окном замелькали гранитные тумбы с массивными чугунными балясинами между ними.

– Тромб! – позвал Славка. – Что мне делать?

– Нужно постараться выбраться наружу незамеченным, – мгновенно отозвался боец, словно все это время был на связи.

– Легко сказать! – буркнул Славка, рассматривая пустую остановку, показавшуюся впереди.

Стеклянные стены, небольшая металлическая скамейка – все на виду. Захочешь – не спрячешься. Разве только... Славка, вытянув шею, заглянул вперед и увидел небольшую площадку, выступающую полукругом в сторону Москва-реки. Каменная лавка прижалась к чугунной балюстраде, отделяющей площадку от плескавшей внизу мутной воды.

«Пора!» – выдохнул он, и когда двери с шипением разошлись, метнулся вперед. Сгибаясь в три погибели, спешно выбрался из троллейбуса и на карачках, прижимаясь боком к машинам, засеменял вдоль дороги. Когда площадка со скамейкой оказалась напротив, Славка метнулся за массивную гранитную тумбу и, усевшись на асфальт, вздохнул полной грудью. Разглядывая открытую, хорошо просматриваемую с дороги площадку, он понял, что расслабляться рано. Спрятаться под каменной лавкой оказалось так же сложно, как и оставаться незамеченным, сидя на ней. Распластавшись на асфальте, он осторожно выглянул из-за гранитной тумбы и, подметая землю волосами, посмотрел налево.

Видимо, преследователи решили подстраховаться и разделились. Один из них сейчас бодрой походкой двигался по тротуару в сторону остановки, а второй, скорее всего, остался за рулем микроавтобуса. «Обложили, гады!» – подумал Славка, и тут его взгляд упал на выломанную чугунную балясину.

Дырка не бросалась в глаза – ее прикрывала каменная лавка. Может быть, поэтому ее до сих пор не заделали. С дороги она тоже не просматривалась, так как пряталась в тени гранитной тумбы.

Славка перевернулся на живот, оглядываясь, примерился к отверстию и быстро сунулся ногами под скамейку; с трудом протиснул грудь, засопел, проталкивая плечи. Тело зависло в воздухе. Ощущая полную беспомощность, он вдруг понял всю безрассудность пришедшей в голову идеи, но было поздно – назад при всем своем желании он бы не вылез ни за что. Как только плечи освободились, он почувствовал, что тело его быстро скользит вниз. Сдерживая крик, он разинул рот, попытался ухватиться за чугунную балясину, но, видимо, опоздал – пальцы поймали пустоту, а ноги сковало ледяными тисками. Погружаясь в грязную ноябрьскую воду, он испугался настолько сильно, что не смог вздохнуть. Вода еще только коснулась живота, а в голове уже выстрелило паническое «Тону!». И в этот же миг ноги уперлись в каменистое дно. Речка в этом месте оказалась неглубокой, чуть выше пупка. Однако и этого хватило, чтобы почувствовать прелесть осенних заморозков. Мир взорвался – это испуганный организм запоздало отреагировал на резкое охлаждение, выплескивая в маленькое сердце дополнительную порцию адреналина. И оно ударило в набат, разгоняя застывающую кровь. В голове загудело, парализованные холодом мышцы задрожали, согревая организм.

Славка, пытаясь прислушаться к звукам наверху, на секунду замер, но ничего кроме клцанья своих зубов не услышал. Задирая голову, он оглядел закованный в бетон берег, но не нашел в стене никаких неровностей, за которые можно было бы ухватиться, чтобы подняться к остановке. Поэтому, и еще потому, что без движения ноги начинали терять чувствительность, он вынужден был брести вдоль берега до тех пор, пока не вышел к ступеням, опускающимся к самой воде. «Куда теперь?» – спросил он себя, понимая, что еще секунду – и его воля даст трещину, он будет готов пойти навстречу теплу, даже если там его будут ждать и бандиты, и спецслужбы, и все бородачи мира. В ухе завибрировала гарнитура, и голос Тромба сухо поинтересовался:

– Ты сейчас где?

– Твоими стараниями – в-в-в реке, – раздраженно проблеял Славка, с трудом справляясь с дрожью в голосе, злой на себя, а еще больше на спокойствие электронного бойца.

Тело безостановочно тряслось, холод просачивался в самые отдаленные уголки организма, заставляя вибрировать каждую его клетку.

Сбрасывая хлюпающие ботинки, Славка вылил из них воду, сжимая твердеющие брюки трясущимися руками, согнал ледяную воду книзу, обулся и потрусил в направлении ближайших домов. Нужно срочно в тепло, согреться. Вот только как добраться до этого самого тепла, если подавляющее большинство подъездов охраняется чертовыми домофонами? Славка сунулся в один подъезд, толкнул дверь в другой, попробовал набрать цифровую комбинацию в третьем; пару раз наткнулся на консьержку, выслушал гневную тираду и быстро ретировался. Перепробовал разные комбинации цифр в разных местах, пытаясь вычислить код подъезда, послушал недовольные голоса жильцов. Когда уже не осталось сил, а ноги вынесли его к старенькому дому, он неожиданно вспомнил утреннее путешествие по подвалу и, прикрывая глаза, представил, что снова оказался в заполненном горячим паром, душном каменном мешке...

– Слава! – громкий крик Тромба разорвал узы сладостной дремы, выталкивая сознание в отвратительную, обжигающе холодную действительность. – Ты почему молчишь?

– Я здесь! – прохрипел он, понимая, что на какое-то время отключился.

Оглядываясь по сторонам, он побрел между стареньких домов, вглядываясь в заколоченные подвальные окошки до тех пор, пока не нашел, как ему показалось, подходящего. Пара полусгнивших досок прикрывала небольшое отверстие, из которого заметно парило. С трудом оторвав одну доску, Славка надолго застопорился на второй – ржавый гвоздь никак не желал отпускать тонкую, но крепкую деревяшку. Он пинал по доске ногой, но та, хоть и со скрипом, выдерживала его удары. Усаживаясь на землю, он прижал колени к груди и, быстро распрямляясь, подобно пружине, со всего маху впечатался обеими ногами в заколоченное окно. Доска с треском лопнула, и он провалился в дырку по самые колени. Ноги коснулись горячей трубы, и Славка, забывая обо всем на свете, спешно полез навстречу божественному теплу. Замечая в углу деревянный лежак, а на стенах пышущие жаром трубы, радостно охнул.

Тепло и сухо. Стянув мокрую одежду, Славка разложил ее по раскаленным трубам, а сам присел на деревянный лежак в углу и задумался. «Нужно позвонить Потемкину, договориться о встрече где-нибудь на нейтральной территории, где много народу. В компьютерном клубе, например, – Славка ощутил, как горячие волны прокатываются по телу, наполняя его тяжелым теплом. – Нужно дозвониться отцу и что-нибудь придумать, нужно...»

Тяжелые веки плавно сомкнулись. Он медленно соскальзывал в крепкий сон. Мысли, путаясь, то появлялись, то исчезали, пока не растворились полностью в непроглядном беспмятстве. «Завтра. Все завтра. И Потемкин, и отец, и Тутанхамон, и...»

Глава четвертая ТУТАНХАМОН

Кто быстрее найдет мальчишек: интеллигентный Профессор или работники спецслужб?

Крепкий мужчина, одетый не по погоде в легкое демисезонное пальто, удивленно посмотрев на дрожащего мальчишку, толкнул дверь и шагнул в затемненный полуподвал.

– Холод...но, черт, как холод...но... – азбука Морзе в исполнении мальчугана, приютившегося на лестнице компьютерного клуба, на мгновение стихла. Бумажный прямоугольник едва заметно шевельнулся на грязной стене и беззвучно предупредил: «Свободных компьютеров нет!».

За железной дверью гудел забитый до отказа зал игрового клуба «Тутанхамон». Сегодня он не собирается демонстрировать гостям гостеприимную улыбку. Пыльный и темный, он больше походит на фамильный склеп, который облюбовали местные геймеры.

В носшибануло кисло-сладким запахом немых молодых тел. Чихнув от всепроникающей пыли, мужчина неторопливо огляделся, и как только взгляд его уткнулся в свободный стул в темном углу, спокойно прошел через зал и уселся к маленькому столу, напоминающему то ли школьную парту, то ли рабочее место программиста. Вот только все программисты сегодня, судя по всему, «ушли на фронт». Война захватила их души, пленила их разум, война идет, она вокруг, она со всех сторон. Безумные вопли гибнущих противников и непрерывная пальба из всех видов оружия вытеснили сознание собравшихся в зале геймеров из реального мира. Азарт боя превратил их тела в механические придатки электронных машин; перехватывая контроль над рефлексам, он затуманил мозги.

Порхающие над клавиатурами руки несут смерть виртуальному врагу. Вздрагивающие плечи уворачиваются от шальных пуль. Выпученные остекленевшие глаза отражают потоки нуль-единичной крови, брызжущей фонтанами со всех экранов. Одним словом, «затмение разума – война!»

Мужчина устроился поудобнее, откинулся на спинку стула и, не обращая внимания на крики в зале, прислушался к сидящим за соседним столом молодым людям. Один из них был Славка Пугачев, второй, судя по описаниям отца Славки, Дмитрий Потемкин.

Зал ревел, палил, стонал. Извивающиеся тени скакали по грязным стенам.

– Димыч, завязывай лупить с ботами! Я позвал тебя не играть, – Славка старался говорить как можно тише, при этом постоянно наклонялся к товарищу, но через минуту срывался и, стараясь перекричать шум в зале, переходил на крик. – Димыч! Мне нужно поговорить. Я влип!

Славка в очередной раз с опаской оглядел темный зал. Он чего-то боялся, втягивая голову в плечи, старался заправить непокорные белокурые волосы под купол спортивной шапочки. Белые пряди, просачиваясь сквозь пальцы, тут же выскальзывали, упорно не желая подчиняться воле хозяина.

– У меня мало времени, они скоро появятся здесь, – подросток махнул рукой в сторону шумящего зала. – Ну же! – умоляюще протянул он.

– Влип?! Можно подумать, в первый раз! – Дмитрий пребывал в том возрасте, когда юношеское лицо заметно «утяжеляется», а фигура из мальчишечьей, угловатой превращается в рельефную – мужскую. Крепкое, спортивное телосложение и сто восемьдесят сантиметров роста выделяли его из общей массы тщедушных тел, дергающихся перед мониторами.

– Постой-ка! А, может, ты опять загрузил в сетку очередной свой ускоритель? И сейчас нас снова вышвырнут из клуба? – крепкая, накачанная рука вцепилась в худенькое плечо Пугачева.

– Я, только... – Славка замялся, расстроено опустил голову и глубоко вздохнул.

– А я-то все думаю, почему игра не идет? Если так, то играй со своим ускорителем сам! – Дмитрий попытался встать и уйти, но Славка, навалившись на него всем телом, яростно зашептал:

– Димыч! У меня правда проблема, и она не в ускорителе. Точнее, не только в ускорителе.

Сидящий за соседним столом мужчина вздохнул. Вот ведь совпадение. Его, Дмитрия Степановича Медведева, нынешнее светило российской науки, профессора, без которого не проходит ни одна конференция по компьютерным технологиям, друзья детства тоже звали Димычем.

Медведев задумался. Что связывает между собой столь разных мальчишек, и что общего у них с проблемой, застопорившей все работы лаборатории, которой он заведует? Впрочем, «застопорившей» – легковесное слово, совершенно не соответствующее истине. Проблема обрушилась словно тайфун, неожиданный смерч, мощный и коварный, уничтожающий все, что попадает к нему на пути. Пятнадцатилетний труд целого коллектива – коту под хвост.

Что же произошло две недели назад? Поиски ответа на этот вопрос привели уважаемого профессора в дворовый компьютерный клуб. Почему его детище – программноаппаратный комплекс «Синарион», в мгновение ока превратился в кучу дорогостоящего компьютерного железа, живущего своей никому не понятной жизнью? Почему полтора десятка специалистов, способных взломать любую систему в мире, не могут подобраться к его управлению?

Беда случилась благодаря открытому шлюзу, через который в сеть лаборатории хлынул бессистемный поток разнородной информации вкупе с программой типа червь. И создал этого злополучного червя, по его, профессорскому убеждению, маленький монстр по имени Славка Пугачев. Он же открыл шлюз, позволив сетевому мусору заполнить место, предназначенное для хранения базовой информации «Синариона», а тот, вместо того чтобы учиться, закрыл доступ...

Мысли Медведева неожиданно прервал мощный бас, ударивший со стороны стойки, за которой восседал тучный хозяин клуба.

– Эй, шпана, заканчивай, – кричавший хотел еще что-то добавить, но неожиданно смолк, и в этот момент в зале вспыхнул свет. – Охрана! Держи пацана! – взвизгнул взволнованный голос, сдобренный ощутимым привкусом кавказского акцента.

Обладатель колоритного баса – полный мужчина (судя по внешнему виду, трепетно относящийся к компьютерам только в моменты изымания наличности из кассы) – тыкал мясистым пальцем в сторону Пугачева.

– Это тот гаденыш, который убил наши кампутеры на прошлой нэдэле, – хозяин клуба рвал и метал. – Упустите сопляка на этот раз – всех уволю, – грозил он неизвестно кому.

Охранники не спешили на зов хозяина, и толстяк решил взять инициативу в свои руки. Вытекая гигантским животом из-за стойки, он ринулся на поимку невозмутимого Пугачева.

Субтильный «убийца компьютеров», не обращая внимания на внушительную угрозу, спокойно повернулся к монитору, опустил руки и коснулся пальцами клавиатуры.

Потемкин решительно встал и заслонил маленького друга своим телом. Дерзкий взгляд метнулся навстречу несущемуся на всех парах, разгневанному тяжеловесу.

События, последовавшие дальше, повергли знаменитого профессора в полное оцепенение, плавно переходящее в сумеречное состояние. Предполагаемая жертва (полтора метра от уровня пола), именуемая Вячеслав Пугачев, в последний раз ударила пальцем по клавиатуре, и в игровом зале тут же погас свет. Мониторы быстро, один за другим, потемнели. Безумный рев возмущенных игроков взорвал и без того шумную атмосферу «Тутанхамона» и тут же сошел

на нет: сражение в реальном пространстве обещало быть не менее захватывающим, чем прерванное виртуальное.

Ярко вспыхнув, экраны налились малиновым светом. Кровавая пена, вскипая, поднялась к потолку, пылая алыми бликами по грязно-выбеленным стенам.

Бурлящего жаждой мести грузина словно прибили к полу гвоздями. Застыв, как монумент, в центре зала, он с ужасом смотрел на пылающие мониторы. Похоже, он не первый раз сталкивался с такими природными катаклизмами.

Медленно отодвинув напрягшегося Потемкина в сторону, вперед вышел взъерошенный Славка. В полной тишине раздался усталый, но дерзкий голос:

– Ну что, Гоги? Как там в киношках? Дай мне хоть один повод, и твоим компам... Ну, ты сам знаешь!

– Смотри у меня! – толстяк мгновенно освободился от кавказского акцента.

Динамики взвыли сиреной, и хорошо поставленный мужской голос громко произнес:

– Внимание! В случае причинения какого-либо вреда человеку по имени Вячеслав находящимся в этом помещении компьютерам в количестве пятидесяти четырех единиц будет нанесен непоправимый ущерб.

Динамики захрипели, экраны погасли; что-то глухо щелкнуло – и теперь уже женский, мягкий голосок запел.

«Не «Сулико», конечно, но звучит неплохо», – Медведев, с удовольствием прислушался к красивым грузинским руладам.

– Ээээ! Слушай! Не надо ничего делать! Я его не трону. Пусть идет! – побледневший толстяк слегка развел руки в стороны, в поисках говорящего заметался глазами по залу.

– Пусть пацан идет! Его не остановят.

– Пошли, Димыч! Нам здесь не рады, – улыбнулся маленький Пугачев и, гордо задрвав подбородок, двинулся к выходу.

«И все-таки дети, – подумал Медведев, приходя в себя. – Но какое шоу! Расскажу в лаборатории – не поверят».

Хотя попробуй не поверить видеозаписи. Камера телефона, усилиями тружеников «Медвежьей берлоги» превращенная в прибор ночного видения, записала мельчайшие детали столкновения.

Стоило мальчишкам выйти за порог клуба, как экраны мониторов вспыхнули вновь. Клуб загудел, мгновенно наполнился стонами игроков и звуками войны. Гул взрывов, свист пролетающих пуль, крики умирающих – все, как всегда. Геймеры продолжили прерванные виртуальные битвы, словно ничего не произошло.

Выйдя на улицу, можно было вздохнуть полной грудью. Холодный ноябрьский ветер наполнил легкие. Освежающий мороз добавил оптимизма в размышления Медведева. Компьютер, при всей своей сложности, остается механизмом, машиной, и любые изменения, внесенные в программу на его жестких дисках, можно отменить. Можно уничтожить результаты вмешательства мальчишки в работу «Сценария», и комплекс снова будет готов к работе. Нужно только знать ключ – код злосчастной программы, создавшей эти самые изменения. А его-то Медведев пока не знал. Одно хорошо: теперь он не сомневался, что именно Пугачев взломал его систему. Оглядевшись вокруг, профессор понял, что слишком долго задержался в клубе: мальчишек нигде не было видно. Впрочем, это не беда. Найти двух подростков не трудно, если к тому же знаешь их адреса и являешься непосредственным начальником одного из родителей. «Кстати, с родителями, а, вернее, с родителя мы сейчас и начнем», – профессор набрал номер Ивана Пугачева. Пока трубка длинно гудела, на его плечо легла чья-то тяжелая рука.

– Простите, уважаемый. Вы здесь двух мальчишек не видели? – раздался за спиной хриплый голос.

Спрашивающий мужчина с виду походил на ожившую статую Геракла, на которую кто-то невзначай набросил черный кожаный плащ-пальто невообразимого – шестьдесят какого-то – размера. Несмотря на свободный покрой, он совершенно не скрывал выпирающие во все стороны мышцы. Лицо здоровяка, высеченное неумелым каменотесом, с первого взгляда заставляло уважать его владельца и требовало особого, внимательного отношения окружающих.

Профессор напрягся. В голове вспыхнул сигнал тревоги, сердце ускоренным ритмом отозвалось на всплеск адреналина.

Телефонные гудки неожиданно смолкли, и усталый голос Ивана Пугачева произнес:

– Я вас слушаю, Дмитрий Степанович.

Геракл, раздосадованный вынужденной задержкой и опустошивший свой более чем скромный словарный запас культурного человека, смачно сплюнул под ноги:

– Ну, ты! Я с кем базарю? Двух сопляков здесь не видел? Один от земли кое-как, другой вроде тебя. Только что из этого подвала слиняли. – Он махнул рукой в сторону клуба.

В трубке опять послышался голос Ивана, теперь уже встревоженный:

– Дмитрий Степанович! С кем это вы там разговариваете?

– Ваня, будь на связи. Я перезвоню через несколько минут.

Глядя на ожидающего ответа верзилу, профессор медленно произнес:

– Уважаемый! Не думаю, что могу вам чем-то помочь. Шли бы вы... куда шли.

– Ты пацанов видел или нет? – выпучил глаза здоровяк.

Профессор одарил наглеца снисходительным взглядом, которым родители обычно устаивают своих не в меру разыгравшихся детей.

– Свободен! – произнес он тихо и повернулся, чтобы уйти.

Лицо амбала побагровело.

– Да ты!.. Да я тебя! – заорал скуластый Геркулес, превращаясь в разъяренное чудовище с налившимися яростью кровавыми глазами.

Ручища, напоминающая гигантский молот, взлетела в воздух. Здоровяк ринулся вперед, стремясь использовать вместо наковальни голову Медведева, но, как могло показаться стороннему наблюдателю, совсем немного промахнулся. Кулак, а вслед за ним и огромное тело, подчиняясь неумолимым законам инерции, пролетели чуть левее отпрянувшего в сторону профессора. Медведев в последний момент ухватил амбала за рукав и едва не нырнул следом – уж больно тяжелым тот оказался. Сияющий новенький «мерседес», скрипнув шинами, пролетел мимо.

– Молодой человек! Не играйте вблизи проезжей части! Это опасно для жизни! – раздался негромкий насмешливый голос, и вслед за этим в поле зрения профессора появился высокий мужчина. Он был строен, крепок в кости, широкогруд. Небольшие пронизательные глаза иронично взирали на мир.

– Bravo, Дмитрий Степанович! Bravo! – воскликнул он и продолжил шепотом, обращаясь к недовольному здоровяку. – Медведь, господин Ванькин, – очень коварный зверь, хищник, быстрый и беспощадный. Только он идет на стреляющего охотника, и идет, поверьте старому профессионалу, до самого конца. Пока не оказывается поверженным – либо он, либо медвежатник. В вашем случае, Илья, всенепременно нужно поблагодарить уважаемого профессора за его стремление спасти вашу никчемную жизнь. И не нужно косить лиловым глазом в его сторону. Уж поверьте мне: если бы не он, то в сводках ДТП от сегодняшнего числа в списке пострадавших значилось бы и ваше имя. А в морге прибавилось бы покойников, – спокойно продолжал незнакомец.

Подойдя к Медведеву и глядя ему в глаза, он снял серую кепку, пригладил тонкие усы, венчающие изящную бородку клинышком, и, дружелюбно улыбаясь, протянул руку:

– Разрешите представиться: Иван Васильевич Коваль. Должность мою вам знать не обязательно. Могу лишь сказать, что мы с вами в некотором роде коллеги. Занимаемся, знаете ли, одним делом. Только в разных ведомствах.

Медведев, не задумываясь, ответил на крепкое рукопожатие. Мужчина был окружен ореолом профессионализма и внутренней силы. Ухоженные темные волосы, отливающие редкой сединой на висках, торчали ежиком на макушке. Прямой заостренный нос, четко очерченные густые брови. Интеллигентное лицо могло бы показаться привлекательным, если бы не ледяные серые глаза. Цепкие, холодные, внимательные и пытливые. К вниманию они призывали, а о пытках – напоминали.

Иван Васильевич оглядел Медведева с ног до головы, словно выбирал шубу любимой жене, кивнул и довольным голосом произнес:

– Абсолютная идентичность представленной характеристике.

Профессор недовольно хмыкнул, не понимая, что так обрадовало незнакомца.

– Дмитрий Степанович! О наших с вами делах мы поговорим при следующей встрече, а сейчас подскажите: как нам найти молодого человека по фамилии Пугачев? – заметив недоумение в глазах Медведева, коллега «из другого ведомства» скис. А затем утомленно попросил. – И пожалуйста, не делайте удивленных глаз. Не поверю, что впервые слышите. Я прекрасно осведомлен, что вас, уважаемый профессор, очень интересуют Вячеслав Пугачев и Дмитрий Потемкин. Несколько минут назад эти молодые люди покинули компьютерный клуб и исчезли из зоны нашего внимания. И произошло это из-за столкновения наших с вами интересов и некомпетентности моего работника, – он сурово посмотрел на стоящего в стороне Ванькина.

Стараясь подражать манере разговора собеседника, Медведев произнес:

– Не совсем понимаю, о ком вы говорите, уважаемый Иван Васильевич. Я здесь, видите ли, проверяю свою теорию о влиянии компьютерных игр на неокрепшую юношескую психику.

Он ожидал дальнейших расспросов, но Коваль не стал настаивать, как будто и этот путь развития событий был им предусмотрен.

– Ну, если так, то не стану вас задерживать. Вы свободны! – поворачиваясь, он быстро прошел к черному «ауди» и, уже садясь в машину, будто вспомнив, выкрикнул вдогонку уходящему Медведеву. – Учтите, профессор! Мальчишкам угрожает опасность! Серьезная опасность. Высуньте голову из своей берлоги и посмотрите, что творится в мире!

Хлопнула дверка. Взвизгнули колеса и машина исчезла за поворотом, оставив удивленного профессора наедине со своими мыслями.

«Что творится в мире? Причем здесь мальчишки?»

Постояв пару минут в задумчивости, Медведев достал из кармана телефон, набрал номер лаборатории и, когда в трубке раздался взволнованный голос Ивана Пугачева, быстро спросил:

– Как там «Синарион»? – Услышав вместо ответа печальный вздох, серьезно произнес. – Собери всех в лаборатории! Я скоро подъеду.

Пряча мобильник в кармане, он двинулся к машине, а через минуту старенький «Фольсваген» уже летел в направлении «Медвежьей берлоги».

Выскочив из «Тутанхамона», мальчишки быстро пересекли двор и, отодвинув большую доску, шмыгнули в щель деревянного забора, воздвигнутого вокруг строящейся трансформаторной будки. Искренность слов хозяина клуба о том, что их не тронут, вызвала большие сомнения у молодых людей, и они, не сговариваясь, решили подстраховаться и спрятаться.

– Димыч, ты посмотри на интеллигента, что выскочил следом за нами, – поманив рукой приятеля, Славка приник к щели в заборе. – Это босс моего отца.

Плотно подогнанные необструганные доски укрывали молодых людей от неожиданного нападения. Многочисленные дыры от большущих сучков давали возможность, избегая постоянных взглядов, следить за входом в компьютерный клуб. Не отрывая носа от шершавой доски, с видом профессионального заговорщика Пугачев продолжил:

– Я его еще в зале засветил. Он исподтишка снимал наш с тобой квест.

Оглядываясь, он обнаружил, что Потемкин не обратил на его слова никакого внимания, вновь прижался лицом к дырке в заборе и едва сдержался, чтобы не заорать.

– Димыч, ты посмотри, какой кадр! – быстро и удивленно зашептал мальчишка. Хватая товарища за рукав, он попытался притянуть его к импровизированному глазку. – Вот это морда!

Погруженный в свои мысли, Потемкин резко отстранил друга.

– Нет, ты только посмотри! – не успокаивался Славка. – Такого здоровяка ты вряд ли когда-нибудь видел! Слушай, а босс у моего предка ничего. Медведь, если не ошибаюсь. Авторитет в компьютерной тусовке. Это в его систему я свою программку запустил, – Славка резко замолчал, испугавшись, что сболтнул лишнего. Посматривая на Дмитрия, пожевал губу.

Разговор незнакомых мужчин подходил к концу, когда Потемкин решил выглянуть в «заборье». Прильнув к дырке, он всмотрелся в лица разговаривающих людей.

– Мальчишкам угрожает серьезная опасность! – воскликнул высокий мужчина.

Медленно поворачиваясь к побледневшему Славке и едва сдерживая клокотавшее в груди негодование, Потемкин прошипел.

– В какое дерьмо, черт возьми, ты влез на этот раз? – надвигаясь на молчащего Славку, он негромко выталкивал слова. – Подробно. Все по порядку! Что было в клубе? Кто эти люди? И почему нам угрожает опасность? Ну!

На мгновение показалось, что Славка вот-вот расплчется, но не тут-то было. Дерзко выставив подбородок вперед, маленький проныра даже не попытался оправдываться – он напал.

– Ты чё, Броненосец, первый день меня знаешь!? – В мгновение ока он превратился в покрытое шипами и брызжущее ядом чудовище. Так было всегда, когда кто-то зажимал его в угол. – Не гони, и не из такой задницы выбирались!

Дмитрий уже справился с раздражением.

– Пугач! Давай без дурацкой бравады. Ты разве не понял, из какой конторы эти мужики? – меряя строительную площадку большими шагами, он вышагивал из угла в угол, пытаясь найти объяснение услышанным словам. Выруливая на очередную прямую, он посмотрел на Славку и остолбенел.

Тот плакал: по-настоящему, навзрыд, размазывая кулаком катившиеся по щекам громадные слезы. Инстинкт толкнул Дмитрия вперед. Обняв мальчишку за плечи, он прижал мокрую мордашку к своей груди.

– Успокойся, братишка! Ты меня пугаешь. Успокойся и рассказывай!

Славка, продолжая подрагивать в объятиях друга, громко и мокро шмыгал носом. Потемкин сжался от нехорошего предчувствия.

– Все будет нормально, – убеждал он, но справиться с предательской дрожью в голосе не мог. Как можно оставаться невозмутимым, когда на груди у тебя ревет потомок славного разбойника Емельяна Пугачева?

Дмитрия насторожили события в клубе, встревожил вид незнакомца с глазами следователя, но только сейчас он понял, что они попали в настоящую переделку.

– Рассказывай, – повторил Дмитрий, заметив, что мальчишка перестал хлюпать носом.

– Броненосец, мы тонем! Похоже, нужно сдаваться, – угрюмо буркнул Славка и тут же продолжил. – Димыч! Знал бы ты, как они меня достали. Сначала просто пасли, как будто ждали чьей-то команды, потом начали зажимать. Дома не спрячешься. Вчера с утра... – мальчишка громко захрипел, прокашливаясь, – пришлось нырять в Москва-реку. Бррр! – Славка втянул голову в плечи, и дрожа всем телом, продолжил. – Черт! Я думал, замерзну напрочь, – тряхнув грязными белесыми прядями, он замолчал, но через мгновение снова заговорил. –

Сегодня утром я уже подумал, что они потеряли меня, но нет! Ощущение такое, что их много, и все они из разных контор.

«Очухался парень – и то хорошо», – подумал Дмитрий и усмехнулся.

Славка, заметив его улыбку, недовольно проворчал:

– Чё ржешь? Думаешь, тебя не тронут?

– Не переживай – прорвемся! – Дмитрий похлопал друга по плечу. – Ну, искупался!..

Люди в январе, на крещение, сами в прорубь лезут, и ничего – говорят, даже помогает от многих болячек.

Славка обиженно надул губы и снисходительно посмотрел на друга снизу вверх.

– Броненосец, ну ты сравнил жопу с пальцем.

Дмитрий в очередной раз кивнул, сдерживая улыбку – он знал своего маленького друга, знал, как быстро тот заводится и как быстро отходит.

Славка сжал виски руками и шумно выдохнул. Открытыми ладонями отталкивая от себя все негативные эмоции, он мгновенно успокоился.

– Скажи, дружище, только одно: ты со мной? – спросил он.

– А ты думал, что я тебя одного брошу? – удивился Дмитрий.

Славка довольно улыбнулся, осмотрелся, как будто пытался сориентироваться на местности, и бодро произнес:

– Тогда следуй за мной, напарник! В мой бункер!

Глава пятая БЕРЛОГА И БУНКЕР

Подростки уходят в подполье, а взрослые играют в нечестные игры. Кто первый сломаётся?

Лавируя в нескончаемых потоках автомобилей, ползущих по московским улицам, профессорский пассат медленно тащился к «Медвежьей берлоге». Долгие полчаса он вырুলивал, тормозил и ускорялся, пока наконец-то не прибыл на место.

«Лаборатория искусственного интеллекта» встретила своего создателя громким гулом голосов. «Медвежья берлога» в настоящий момент больше походила на разбуженный пчелиный улей. Небольшая комната конференц-зала с трудом вмещала всех участников проекта. Однако ограниченность пространства не угнетала тружеников клавиатуры: клаустрофобией в «Берлоге» никто не страдал, благодаря возможности в любой момент уйти из мира реального в мир виртуальный.

– Итак, господа, начнем! – с этими словами Медведев протиснулся в центр зала, осмотрелся по сторонам и недовольно сморщился. – Что мы имеем на сегодняшний день? – поинтересовался он и выжидающе замолчал.

– А имеем мы на сегодняшний день, – продолжил он после небольшой паузы, – дырку от бублика! И виноваты в этом все без исключения. Я в первую очередь. – Профессор обвел примолкших сотрудников тяжелым взглядом.

– Вместо того, чтобы совершенствовать нашу систему безопасности, мы все дружно навалились на совершенствование систем сбора и обработки информации. Конечно, кому нужно наше детище? Ваня, как твой пацан получил доступ к проекту? – вытягивая шею, он заглянул за спины подчиненных. – Позволить мальчишке получить коды доступа к системе... Как дилетанты, ей богу!

– Дмитрий Степанович! Я уже говорил, что Славка не мог такого сделать, даже если бы и хотел, – нахохлившийся Иван буравил взглядом пол, лишь изредка поднимая глаза, чтоб посмотреть на реакцию начальника.

– Не мог, говоришь! – резко оборвал его профессор, что-то доставая из кармана.

Свет в зале погас. Зашуршал матерчатый экран настенного проектора, и глазам присутствующих предстала сцена столкновения в компьютерном клубе. Забурлила кровавая пена, замелькали удивленные лица геймеров, послышалась красивая песня, погасли мониторы.

Профессор дождался, пока экран потемнел, включил свет и, справившись с раздражением, спокойно продолжил:

– Если кому не понятно, что произошло, поясняю. Тринадцатилетний мальчишка перехватил управление пятью десятками компьютеров, находящихся...

– Четырнадцатилетний, – робко поправил Пугачев. – Он просто выглядит младше своих сверстников.

– Подчеркну для не особо сообразительных, полное управление! Без перезагрузки системы и без остановки программ. Как? – Сделав паузу, Медведев посмотрел на сидящих в первых рядах аналитиков. – Мне нужны ответы! Каким образом простейшая система игрового клуба перешла на голосовое управление?

– Дмитрий Степанович, а вы не допускаете, что мальчишка просто записал звуковой файл заранее и запустил его параллельно с программкой подавления изображения на соседних компьютерах? – предположил поднявшийся из второго ряда Семен Михайлов, но тут же сам себе возразил: – Нет, для маленького, пусть и умного мальчишки просчитать развитие ситуации столь досконально представляется маловероятным.

– Да, Сема, ты прав, – протиснулся вперед ироничный Мелехов. – У нас всякий пацан, приходя в игровой клуб, совершенно случайно имеет при себе копию программки подавления изображения – ее сетевую версию. Хм!

– Если, конечно, он не гений, – переминаясь с ноги на ногу, нерешительно пробормотал Семен. Он совсем недавно появился в лаборатории Медведева. Молодой, но очень смелый в суждениях аналитик, только-только закончивший МГУ, с первых дней показал себя специалистом высокого класса.

– Вот! – воскликнул Медведев. – Гений! Наконец-то, Сема, ты нашел нужное слово! Вот кого я искал, когда набирал сотрудников для этой лаборатории. Но, как говорится, чем богаты, тому и... Стоп! – профессор резко замолчал, задумчиво склонил голову. – Внимание! Все смотрим на мальчишку! – он снова включил запись. – Вот наш герой набирает на клавиатуре последнюю команду. Это, нужно полагать, клавиша ввода. Поворачивается к залу, и... Стоп!

– Откуда у твоего пацана такая гарнитура? – удивился Мелехов, но никто не обратил на его слова никакого внимания – все смотрели на экран, наблюдая за склонившимся над клавиатурой мальчишкой.

– Думаю, все видели, что Пугачев-младший что-то прошептал, но что именно? – профессор говорил сам с собой. Затем, обращаясь к техникам, поинтересовался. – Можем мы усилить сигнал, чтобы услышать, что он сказал?

– Угроза физической расправы. Выручай, Тромб! – вылетевшая фраза повисла в воздухе.

Медведев вопросительно протянул:

– Ну и-и?..

– Он сказал «выручай, Тромб!» – раздалось из дальнего угла.

– Я слышал, что он сказал именно это, – Медведев задрал голову, пытаясь увидеть говорившего Ивана Пугачева. – Мне интересно, из чего это следует? И перестань прятаться за спинами товарищей: четвертовать тебя сегодня мы не будем. Ты у нас на сегодняшний день слишком важная персона. Точнее, особа, приближенная к важной персоне, – успокоившийся Медведев позволил себе улыбнуться.

Смущенный Пугачев вышел вперед.

– Я читаю по губам. С детства, – заявил он и уже более уверенно продолжил, поворачиваясь к экрану. – Со стопроцентной уверенностью могу повторить его слова. Только последнее – «тромб» или... «ромб»? Сказать точно не могу.

– А ты говоришь, не мог! Разгильдяй! – глядя Пугачеву в глаза, Медведев громко кашлянул. – Билла Гейтса тоже считали разгильдяем. Даже выгнали из университета. Но это не помешало ему прорубить «окна» едва ли не во все компьютеры планеты. Эх! Если бы все наши подростки были такими разгильдяями, тогда...

– Что тогда, шеф? – нерешительно любопытствовал Ванидзе, накручивая на палец черный как смоль ус.

– Тогда? – Медведев засмеялся, вспоминая представление в «Тутанхамоне». – Мы бы с тобой, Алик, окна в лаборатории мыли, а разгильдяи работали вместо нас. Вот что было бы тогда! А теперь о кинематографе. Ты родной язык не забыл? – стараясь перекрыть шум в зале, спросил Медведев. – О чем песня, которую выдал компьютер в клубе?

– Это не совсем песня, – замялся Алик. – Просто слова о том, что ущерб, который понесет клуб в результате уничтожения аппаратуры, не стоит удовлетворения, которое получит директор, наказав паренька.

Профессор кивал, слушая программиста, а сам думал о мальчишках.

А мальчишки тем временем, беспрестанно оглядываясь, пробирались по холодным улицам. Уже темнело и зажигались фонари, когда друзья, оторвав доски, закрывавшие окно в подвал одного из домов, протиснулись внутрь.

Славка пролез без особого труда, а Дмитрию пришлось повозиться, чтобы втолкнуть свое немалое тело в крошечное прямоугольное отверстие в бетонном фундаменте.

– Это и есть твой бункер? – Нахмурив брови, Потемкин внимательно осмотрел унылое помещение.

– Меблированный номер, однако, – Славка улыбнулся, ткнул пальцем в деревянную лежанку у стены. – Кровать! Сегодня будет двуспальная.

Назвать мебелью сооруженный из необструганных досок лежак не решился бы даже обладатель безудержной фантазии. Однако Дмитрий, подумав, согласился. Классное жилье для беглеца: тепло, светло, спальное место в наличии. Что еще нужно?

Холодный воздух лениво вползал с улицы, сталкиваясь с горячими трубами отопления, мгновенно превращался в пар. Молочная, шевелящаяся, словно живая, завеса надежно укрывала грязный бетонный короб от постороннего взгляда. В углу копошилась невидимая живность, попискивая, приветствовала постояльца радостным шорохом.

– Это, конечно, не домашний диван, но и не картонная коробка под лестницей в подъезде, – Славка с шумом повалился на прочно-сбитый лежак, а когда из-под него выскочили и бросились врассыпную испуганные крысы, громко шикнул, прогоняя наглых соседей. Встряхнул белой шевелюрой так, что длинные волосы на секунду скрыли пронзительно-голубые глаза, и устроился поудобнее.

– Я тебе говорил про странные сны, которые я стал видеть в прошлом месяце? Я тогда еще несколько дней в школу не ходил, прикидывался больным, а сам из-за компьютера целыми днями не вылезал: прогу писал. Ночью – сны, а днем их дублирование на компьютер. Как под гипнозом. За три дня закончил программу, а принцип действия понять не могу. Знаю только, что способна она изменять любой файл, но для чего конкретно я это делал, хоть убей, не пойму. Вирус – не вирус, взломщик – не взломщик. – Славка вжал голову в плечи и потешно развел руками. – И то и другое, наверное. Да еще и ускоритель. Меняет все, с чем столкнется. Я ее Проном назвал – проникателем то есть. Хочется испытать, аж руки чешутся, а запускать боюсь. Боялся, что создал опасный вирус, до тех пор, пока не подключил. – Мальчишка прикрыл глаза, словно заново переживая момент старта. – Эффект обалденный! Машина летает, только места мало для проверки, – голос медленно сошел на нет.

Дмитрий глянул на друга и увидел, что тот лежит с закрытыми глазами.

– Пугач! – рявкнул он – Потом спать будешь!

Славка дернулся, кривясь, оторвал голову от деревянного настила и, глядя мутным взглядом перед собой, длинно зевнул.

– О чем это я?

– Что было, когда ты испытал своего прона?

– Аа! – Славка с трудом сфокусировал взгляд. – С папашиним кодом доступа загрузил прона в сеть «берлоги». Ну и что-то там пошло не так. «Синарион» подключился, но...

– Славка все больше соскальзывал в сон.

– Кто такой Синарион? И почему компьютеры отца?

– Броненосец, не перебивай. Я и без тебя запутаюсь, – огрызнулся Славка, вскакивая на ноги. – «Синарион» – система накопления, распознавания и обработки информации. Накопитель и обработчик данных, поглощающий информацию с безумной скоростью. Хотя скорость – не главное. Главное, что он должен самообучаться и постепенно если уж и не стать разумным, то максимально приблизиться к этому. Вот я и решил проверить своего прона именно на нем. Если уж он такой умный, то с моим ускорителем еще круче станет.

– Пугач, ты... Ты бандит с большой дороги! – возмутился Потемкин.

– Вошел. Погонял во всех режимах. Никакого кайфа. Дай, думаю, гляну одним глазком на диски, – Славка виновато опустил голову.

Посматривая на притихшего приятеля, Дмитрий едва не поверил, что тот жалеет о вторжении. Но это было исключено, как бы убедительно тот ни изображал раскаяние. Кто угодно другой, но только не Пугачев, мог оставить без внимания чужие файлы. И жалеть о взломе мог кто угодно, только не он.

– И?!

Славка помолчал, словно собираясь с духом.

– И не удержался. Активировал кое-какие программы... Блин! Запустил сразу все, которые только были в системе, а для усиления эффекта, чтобы посмотреть, как эта чертова железяка будет вытаскивать инфу из Инета и начнет учиться, открыл доступ в Сеть.

Не имея сил сдерживаться, Потемкин воскликнул, стуча себе по лбу указательным пальцем:

– Пугач, башку включи! Ты хоть соображаешь, что натворил? Куча ученых, среди которых, кстати, и твой отец, тратит уйму времени на создание этого Синариона, и тут появляешься ты! – задохнулся от возмущения. – Не удержался он, видите ли! – зашагал из угла в угол, нервно размахивая руками. – Ты же предка своего подставил, чума!

Выталкивая слова из пересохшего горла, он периодически наклонялся, чтобы не врезаться в бетонные балки, торчащие из потолка. Забываясь, ударялся головой, стряхивал пыль с каштановых волос и громко фыркал.

Но и Славка не собирался сдаваться.

– Подставил? – воскликнул он с вызовом. – Да пойми ты! Я ведь включил проги, которые и без меня запустили бы через день-другой. К тому же «Синарион» действительно стал обучаться. И с помощью моего прона гораздо быстрее, чем у этих умников. Но я не об этом хотел рассказать, – подозрительно тихим голосом досказал он.

Дмитрий резко остановился.

– Не об этом? – прошептал он испуганно. – Это еще не все?

Славка едва заметно кивнул.

– Загрузил я нашу игру. Запустил своего прона. Поиграл немного. Без моего ускорителя они бы еще пятилетку ждали, пока Тромб соображать начнет.

Дмитрий удивленно уставился на друга.

– Причем здесь мой Тромб?

– Нуу, – протянул Славка, – я загрузил установочный файл с твоим ботом, и мой ускоритель смешал все программы в одну кучу, размыв границы выполняемых задач... Короче, вся система из «Синариона» превратилась в один большой Анрил Тарнамент с разумным бойцом на борту. Именно это я хотел сказать тебе по телефону. Когда ты в бассейне был, помнишь?

Остолбеневший Дмитрий вытаращился на приятеля и не мог произнести ни слова. В отличие от Славки, он был человеком ответственным, и ему было не все равно, как к нему относятся окружающие.

«Отец Славки решит, что это я проник в его систему», – с ужасом думал он.

– Я не виноват, что он назвал себя Тромбом. Для него опасно выбираться из лаборатории в Сеть: он успел разозлить весь компьютерный мир, – затараторил Славка, кружа вокруг неподвижного Потемкина.

– Слушай, Пугач! Если ты запустил систему чуть больше недели назад, то он еще грудной ребенок – по человеческим меркам.

– Тромб?! – Славка с упреком посмотрел на товарища.

– Я же тебе говорил, что мой прон увеличивает скорость. Чем круче аппаратный комплекс – тем больше. Там памяти знаешь сколько? За это время он стал настоящим монстром. Вырос. В поисках информации взломал мировую сеть. Обошел всю! – пояснил Славка, сделав ударение на последнем слове. – Вызвал на себя огонь всякой шушеры: хакеров, спецов, бандюков, даже в церковь залез. Когда его прижали к берегу, он вышел на меня и попросил помощи.

Дмитрий помрачнел, дернул головой, выставляя ладони перед собой.

– Тормози! С чего бы он просил именно тебя? Ты кем себя возомнил?

Фантастический бред, обрастая подробностями, все больше походил на правду. Невероятная история раздражала Дмитрия, а ее возможные последствия и вовсе пугали.

– Ты же не дурак, Броненосец? Для него я – создатель, Бог, родитель! Называй, как хочешь, но именно я активировал его!

– Можно спросить всемогущего Создателя? – Дмитрий иронично склонил голову, прижимая к лицу сомкнутые лодочками ладони. – Как он общается со своим детищем?

Славка ничуть не смутился.

– Обычная мобила плюс беспроводная гарнитура, переделанная знакомым моего предка. Камера на борту, переделанная. При включении переводит связь в режим телеконференции. Такого ни у кого нет. Как Тромб подключается к мобильникам подчиненных папаши, чтобы его не засекли, я не знаю. Все тип-топ, напарник. Платит за связь лаборатория, – улыбаясь, закончил он.

Вспоминая о недавних приключениях, он увлекся и, кажется, забыл о столь же недавних страхах, серых стенах и крысах под ногами.

Дмитрий покачал головой, сморщил лоб и подался вперед.

– Тип-топ?! Очнись! А что, если твой батя работал над секретным проектом?

– Нет-нет! Я бы знал! – запротестовал Славка, но в последний момент отвел глаза.

– Откуда тогда эти хмурые дяди с каменными лицами?

– Ты прав, ни фига кроме гемора на свою задницу мы не имеем. Но, Димыч, я не хотел, чтобы... Блин! Что теперь делать? – Славка снова превратился в маленького, загнанного в угол мальчишку. – На войне мы лохи, даже если за нас компьютерный боец. К тому же он решил, что общение с людьми опасно для него, окопался в сети лаборатории и полностью перекрыл доступ к компам «Медвежьей берлоги». Боюсь, папашины коллеги, когда узнают, что он надевал, попытаются отрубить питание всего комплекса. А это для него каюк, – закончил Славка с болью в голосе, как будто речь шла о живом и очень близком ему человеке.

Дмитрий вновь заходил взад-вперед:

– Ты лучше подумал бы, что они сделают с твоим отцом, когда узнают, кто во всем виноват. Свяжись с Тромбом! Я хочу услышать его. Или ты мне лапшу на уши вешал?

– Не знаю, как ты с Тромбом, а я замотался, и пока не посплю, с места не двинусь, – сонно пробормотал Славка и длинно зевнул.

Сворачиваясь калачиком на жестких досках, он уже больше не пытался удерживать смыкающиеся веки, и как только они коснулись друг друга, моментально заснул.

Глядя на маленького друга, Дмитрий остановился. Снял куртку, осторожно накрыл свернувшегося калачиком Славку. Присев на краешек деревянного лежака, вдруг почувствовал горячую тяжесть в ногах, и едва заметный шум в ушах.

– С-п-а-ть! – гудело в голове.

– С-п-а-ть! – шуршало под лежаком.

Тело отказывалось сопротивляться навалившейся усталости, но стоило закрыть глаза, как перегруженный дневными впечатлениями мозг моментально отключился...

– Просыпайся, соня! – Недовольная мать стояла рядом с кроватью и, пытаясь разбудить Дмитрия, тянула одеяло на себя.

Утро с трудом протискивается сквозь пыльные стекла, заливая комнату ярким, теплым светом. Нужно вставать, но тяжелая голова не желает слушать приказов мозга и раз за разом падает на подушку. Кажется, что в глаза дыму напустили. Не в силах выносить сияние солнечных лучей, они сами собой закрываются. Сон наваливается, словно многотонная плита, при-

жимают к постели, не дают пошевелить тяжелыми веками. Борьба продолжается, и в неравной битве постепенно побеждает сон. Еще несколько минут, и...

Резко открыв глаза, Дмитрий вскочил на ноги. «Черт возьми! Где это я?» – непонимающе озираясь по сторонам, он едва не закричал. Потухшая лампочка покачивалась под потолком, серые стены окружали со всех сторон, земляной влажный пол – все, как в склепе. Сквозь маленькое окошко проник лучик света, выхватил из темноты импровизированный лежак из грубых досок.

Глаза не сразу привыкли к сумраку, царящему в бетонной коробке, но, как только сонный организм столкнулся с невыносимой «прелестью» подвальных ароматов, Дмитрий проснулся. Резкие гнилостные запахи мгновенно отрезвили мозг, прогнали дремоту. «Надо же, всего день вне дома – и уже мать приснилась». Спать сидя – невеселое занятие. Ноги затекли. Разминая онемевшие конечности, он вспомнил ночной разговор и лениво потянулся, так что захрустели суставы.

«Упрямый как баран! Кстати, а где он сейчас?» – Дмитрий в очередной раз осмотрелся и уперся взглядом в оборванный клочок бумаги, приклеенный жвачкой к стене, прямо над лежаком. Предчувствуя неприятности, он осторожно вытянул руку и сжал пальцами мятый листок. Ничего не понимая, долго смотрел на крупные, корявые буквы. «ТРОМБ»... и больше ничего, как будто Славка очень спешил и лишь в последний момент нацарапал короткое слово.

В темном углу, за раскаленным коллектором, неожиданно затрезвонил телефон. Дмитрий, забывая где находится, резко выпрямился и врезался головой в низкий потолок. Покрытая пылью колба вздрогнула, спираль покраснела, и лампочка залила серый склеп тусклым, желтоватым светом.

– Вот ты где! – завопил Потемкин, бросаясь на звук, но тут же остановился и растерянно пробормотал. – Черт!

Только сейчас он понял, что даже для маленького Славки места за трубами явно не хватит. Просунув руку между пышущих жаром металлических цилиндров, нащупал мобильник. Горячее пластиковое «тело» висело на ржавом шероховатом крючке. Тут же торчала гарнитура и истошно орала. Зацепив пальцами силиконовую горошину, Дмитрий вытащил наушник и торопливо воткнул его в ухо. Динамик замолчал.

– Тьфу, ты! – буркнул он и надавил кнопку приема.

– Назовите свое имя и код доступа!

Спокойный, сухой голос – слишком спокойный и к тому же абсолютно безжизненный. Значит, это... Дмитрий задумался, не зная, что сказать, взгляд его упал на записку, которую он до сих пор держал в руке.

– Я Дмитрий Потемкин, а вы, очевидно, Тромб? – он боялся услышать гудки отбоя.

– Код принят! Я Тромб, и у меня послание от Славы. – Маленький динамик скрипнул, горошина наушника длинно вздохнула и продолжила, теперь уже голосом Пугачева. – Димыч, не обижайся, но я все, спекся. Думал, помогу Тромбу, пока они до него не добрались, но нет. Иду сдаваться – у них мама. Этот урод, Коваль, дозвонился до меня... Помнишь, около клуба, мужик с бородкой. Черт! Послушай бойца, он хоть и в виртуале, но с идеями. Мы договорились – связь только по мобиле. Вам лучше поспешить.

Как только голос Славки смолк, Дмитрий, не понимая зачем, спросил:

– Что за идеи, боец?

Он с трудом представлял, как компьютерная программа, пусть и самая совершенная, может предложить что-то разумное. Страхи, навеянные вчерашним Славкиным рассказом, сегодня уже не выглядели столь ужасающими.

– Мне потребуется время, чтобы проработать план до конца, – услышал он в ответ.

– Ну, ты прорабатывай, а я домой, – Дмитрий уверенно шагнул к окошку.

– Я бы не стал этого делать. Дома тебя наверняка ждут.

– Я-то здесь причем? – Дмитрий не верил, что кто-то всерьез может заинтересоваться им.

– Был бы причем, давно убили бы, – произнес Тромб, отчего у Дмитрия засосало под ложечкой.

Ему вдруг показалось, что невидимый собеседник, произнося последнюю фразу, улыбнулся.

Может, Славка все выдумал, и он разговаривает не с мифической компьютерной программой, а с живым человеком?

– Ну вот, заодно и посмотрим, так ли я им нужен, – улыбаясь глупым страхам, Дмитрий оборвал разговор и полез сквозь горячую паровую завесу в маленькое окошко. Хочешь не хочешь, а домой нужно. Поесть, денег взять.

Глава шестая АРЕСТ

О злключениях Профессора. Или что значит оказаться не в том месте и не в то время

Видавший виды профессорский «пассат» въехал во двор дома, в котором проживало семейство Пугачевых. Ивана он оставил в районном отделении милиции, где тот пытался инициировать розыски сына. Рослый насмешливый лейтенант хоть и принял заявление о пропаже Славки, всеми силами пытался избавиться от назойливого посетителя и не сразу внял мольбам взволнованного отца семейства.

– Тот факт, что подросток исчез, не является убедительным аргументом для начала розыскных мероприятий, – заявил он. – И не важно, что второй день он нигде не появляется и не звонит. Может, сейчас сидит под кайфом у друзей или знакомых, а мы будем отрывать наших работников от важных дел.

Профессор допускал, что слова лейтенанта не лишены смысла, но как тогда объяснить исчезновение Дмитрия Потемкина, который пропал после умопомрачительного представления в компьютерном клубе «Тутанхамон»? «Кто может знать, где они? – профессор хлопнул себя по лбу. Ну, конечно, как он сразу не сообразил! – Коваль Иван Васильевич. Уж он-то, если даже и не имеет отношения к исчезновению молодых людей, должен быть в курсе происходящего».

Перед глазами пустынная улица – одна из тысяч похожих друг на друга маленьких улочек Москвы. Где-то рядом шумит занятый город, торчат в пробках сотни машин, ползут, гудят клаксонами, спешат пешеходы, нервничают, опаздывая на работу. А здесь? Лишь изредка одинокие прохожие нарушают тишину морозного утра легким поскрипыванием свежесвыпавшего снега. Вот бабушка, согнувшаяся под тяжестью прожитых лет, медленно бредет к подъезду, таща за собой сумку-тележку. С трудом доковыляла до двери, и в этот момент из-за угла выскочил молодой человек. Быстро догнав старушку, он подхватил ее тележку; придерживая дверь, подождал, пока она не исчезла в темноте, и лишь после этого быстро скользнул следом.

«Не все так плохо с нашей молодежью», – подумал профессор, и тут его взгляд упал на громилу, со скоростью грузового локомотива мчащегося к дому. Просторный плащ поверх спортивного костюма, нелепо взмахивая кожаными лапами, с трудом скрывал выпирающие горы мышц. «Ванькин собственной персоной, – улыбнулся профессор. – Черт, внимание уже не то, ведь это Потемкин помог старушке!» Он попытался вылезти из машины, но не смог – дверь подпирал Коваль Иван Васильевич.

– Стареее, коллега, – заглядывая в салон, он словно прочитал мысли.

– Вот уж воистину, не буди лихо! Долго жить будете, полковник!

Коваль удивленно поднял брови:

– Неужели по нашей базе данных прогулялись? Или все-таки раскололи своего «Синариона» и заглянули в его электронные закрома?

– Да ваши звездочки у вас на лбу выдавлены! – съязвил Медведев, в очередной раз удивляясь информированности Ковалья. – Что вам известно о «Синарионе»?

– Бросьте, Дмитрий Степанович! Неужели вы думали, что после того, что натворило ваше детище в Сети, им никто не заинтересуется? Или вы и сами не знаете, что он?.. Не знаете?! Это хорошо. Пусть лучше мальчишки будут виноваты. Какой с них спрос? Ведь даже Потемкину еще нет восемнадцати, – Иван Васильевич задумчиво покачал головой, вздохнул, словно сочувствуя профессору. – Я бы на вашем месте оставил попытки достучаться до Синариона, иначе тогда вам придется отвечать за все, что он совершил. А это, уважаемый профессор, тюрьма! Ваш умник, как я лично полагаю, выпотрошил самые секретные базы данных. Лучше отдайте его в руки моих спецов, и мы создадим вам хорошую легенду.

– Вы сами-то верите тому, что говорите? – Медведеву показалось, что он услышал доносившийся из подъезда шум. – Вот-вот! Если бы верили, давно бы хозяйничали в моей лаборатории.

Дверь с грохотом распахнулась, и из нее вывалилась громадная спина Ванькина. Прикрывая голову руками, здоровяк позорно отступал. Делая очередной шаг, он оступился и шумно рухнул на убеленный первым снегом тротуар.

Кто ж его так? Всматриваясь в темноту подъезда, профессор ожидал увидеть кого угодно, только не появившуюся на крыльце тщедушную старушку. Согнутая хрупкая воительница, часто перебирая полусогнутыми ногами, размахивала деревянной клюкой и громко негодовала.

– Мерзавцы! Весь подъезд обоссали. Я вот сейчас в милицию позвоню.

– Бабушка, не нужно никуда звонить! – полковник поспешил навстречу разгневанной пенсионерке.

Из-за угла дома проскользнула вереница высоких крепышей, закамуфлированных и экипированных так, словно им предстояло участие в небольшой локальной войне. Старушка, по видимому, решила, что военные действия уже начались. С несвойственной ее возрасту прытью она метнулась назад, в подъезд. Полковник остановился у двери и, пропуская бойцов вперед, обернулся к профессору:

– Дмитрий Степанович! Заберите своего подчиненного из отделения, пока его не закрыли за хулиганство. Уж больно буйный субъект оказался. Скажите ему, что его Славка у нас. И с ним пока все в порядке.

Спокойный голос разозлил Медведева, неприятно резануло слух брошенное вскользь «пока». За спиной полковника захлопнулась дверь, и утренний двор снова погрузился в сонную тишину. Где-то скрипел снег под ногами одинокого прохожего, где-то лаяла разбуженная собака.

Профессор набрал номер Ивана Пугачева. Трубка долго молчала, затем вытолкнула неприятные звуки, очень похожие на сопение борца сумо во время боя, а проснувшись, разразилась такой отборной бранью, что профессору пришлось вспомнить и безоговорочно поверить в истинность утверждения Ивана о его родстве со знаменитым разбойником, Емельяном Пугачевым. Чтобы представить обычно спокойного, слегка заторможенного, замкнутого в себе интеллигента в роли разбушевавшегося скандалиста, Медведеву пришлось призвать на помощь все свое воображение. Между тем телефон сопел и рычал, словно угодивший в капкан раненый зверь, потом шумно всхлипнул и пригрозил далеким незнакомым голосом:

– Гражданин, будете сквернословить, посадим в камеру!

– У меня семья пропала, а ты, гнида... – выдав витиеватую трехэтажную словесную конструкцию, мобильник неприятно затрещал и смолк.

Выпущенное на свободу воображение мгновенно дорисовало страшную картину, с подземными казематами и стонущими узниками, заставив Медведева действовать быстро и решительно.

– В камеру, не в камеру, но неприятностей не оберешься, – пробормотал он, поворачивая ключ в замке зажигания.

Двигатель нервно чихнул, нехотя завелся, и «пассат», отшлифован колесами асфальт, резко сорвался с места.

Езда на предельной скорости по петляющим вокруг домов дорогам – удовольствие мало приятное и опасное. В очередной раз, выворачивая непослушный руль, Медведев едва справился с управлением, когда на повороте машину бросило на невысокий бордюр. «Тише едешь, дальше будешь», – решил он, вжимая тормоза в пол. И очень вовремя. Из-за дома, словно чертик из табакерки, выскочил и чуть не влетел под колеса его машины спешащий молодой чело-

век. Скрип тормозов на секунду опередил удар тела о капот машины. Выскакивая из салона, Медведев помог парню подняться и с удивлением понял, что перед ним Потемкин.

– Ты в порядке?

Дмитрий коротко кивнул и попытался отстраниться от профессора. Выставляя перед собой ладони, он попятился:

– Никаких претензий, шеф. Только я очень спешу.

– Послушай, Дмитрий, не знаю, как тебе удалось убежать от людей полковника Ковалю, но, думаю, они все равно доберутся до тебя, если ты не воспользуешься моей помощью, – стараясь говорить спокойно, профессор открыл дверь машины, – Залезай, поговорим!

– Откуда вы меня знаете? – Потемкин непонимающе уставился на Медведева и через мгновение, словно вспомнив что-то, тихо пробормотал. – А-а-а, Медведь. Вам-то я зачем? Хотя какая разница!

Словно соглашаясь с предложенной помощью, он направился к машине, но в последний момент передумал, сиганул через кусты и быстро скрылся за зелеными коробками вездесущих гаражей.

«Спортивный малый. Может, лихая и вынесет, – подумал Медведев, усаживаясь в машину, и теперь уже не торопясь продолжил прерванный путь.

Конечно, можно было бы попробовать догнать мальчишку, но что он сможет ему предложить? Вспоминая слова полковника, впору было самому подаваться в бега. В мрачном расположении духа Медведев прибыл в отделение милиции и тут же натолкнулся на знакомого светловолосого лейтенанта. Тот встретил профессора злорадной улыбкой:

– Знали бы вы, что ваш друг здесь устроил. С ума сойти!

Медведев в общих чертах знал, поэтому ожидаемого молоденьким милиционером вопроса не задал. Надеяться на то, что Ивана отпустят без его вмешательства, не приходилось. Только «документы» за подписью секретаря государственного казначейства США решили судьбу матерщинника и скандалиста. Так или иначе, но Иван был отпущен восвояси. А профессор после скорого поражения в борьбе с коррупцией решил отправиться к нему на квартиру, ожидая застать там полковника. Пока ехали к дому, он вкратце пересказал Ивану разговор с Ковалем, умолчав при этом о встрече с Потемкиным. Вместо того, чтобы успокоиться, узнав о том, что Славка находится под опекой полковника, Пугачев рассвирепел: он кричал, ругался матом, вспоминая всех родственников Ивана Васильевича и родственников его родственников. Непонятно, сколь глубоко возмущенный муж погрузился бы в родословную Ивана Васильевича, если б не вмешательство профессора.

– Ваня! – смущенно покачивая головой, пробормотал Медведев. – Причем здесь бабушка его бабушки?

– А Славка причем? – негодовал разгоряченный Пугачев, не желая успокаиваться.

Пока он бушевал, профессор вырулил в притихший дворик, и старенький «пассат» затормозил перед знакомой пятиэтажкой. Заглушив мотор, Медведев вылез из машины и, оглядываясь по сторонам, вошел в подъезд.

– Ваня, а где живет друг твоего сына Потемкин? – спрашивая словно о чем-то только что пришедшем в голову, Медведев постарался подчеркнуть незначительность вопроса.

– Димка? – Подойдя к дверям квартиры, Иван махнул рукой вверх. – Этажом выше. Черт! Куда-то ключи засунул, – продолжил он, копаясь в карманах.

Медведев поднялся на пару ступеней и, задрвав голову, стал рассматривать дорогую железную дверь.

Заметив взгляд профессора, Иван мотнул головой и, как бы отвечая на мысленный вопрос шефа, произнес:

– Для Потемкиных слишком жирно будет, такая дверь. Они живут прямо над нами. Обычная старая картоннофанерная дверь снаружи, такая же убогая, как и квартира изнутри.

Решив не рассказывать Пугачеву о встрече с Потемкиным, Медведев был вынужден и дальше валять дурака.

– Я поднимусь на минутку. Посмотрю, дома ли он.

Не дожидаясь ответа, он быстро поднялся по грязным ступеням и остановился перед обшарпанной дверью. Такую фанерку и ломать не нужно: толкни – сама откроется. Словно в подтверждение его мыслей внизу хлопнуло, и деревянная створка, уступая порыву холодного ветра, медленно отворилась.

Медведев потоптался на месте, не решаясь переступить порог чужой квартиры, несколько раз вдавил треснувшую кнопку допотопного звонка. Бодрое треньканье, сливаясь с криками возмущенного Пугачева, эхом отозвалось в подъезде. «Что еще произошло?» – Прислушиваясь к воплям снизу, профессор сделал нерешительный шаг, заглянул в квартиру. Природное любопытство, присущее ему, пересилило благоразумие, вопившее в этот момент истерическое «Остановись!», и он переступил порог.

– Проходите, Дмитрий Степанович, не стесняйтесь, – раздался знакомый голос из соседней комнаты. – Я уж и не чаял вас дождаться.

Полковник сидел на стуле в центре комнаты и, закинув ногу на ногу, с чрезмерным вниманием наблюдал за качающимся перед глазами носком своего ботинка. Заметив вошедшего профессора, он поднял голову и, улыбаясь, указал на старенький обветшалый диван.

– Присаживайтесь! Поговорим, пока ваш подчиненный оттачивает бранное мастерство, – прислушиваясь к доносившимся крикам, Иван Васильевич с уважением добавил.

– Как излагает! Любо-дорого послушать. Не то что нынешняя молодежь. Кстати, Дмитрий Степанович, именно молодежь наша меня волнует больше всего. – Полковник смутился, точнее, изобразил смущение. – Не стану лукавить. Ваш «Синарион» меня интересует гораздо больше мальчишек, но я уважаю мнение профессионалов. А профессионалы утверждают, что без них у нас нет шансов достучаться до вашего электронного подопечного. Впрочем, вы и сами, похоже, того же мнения. Иначе бы не гонялись за ними по геймерским клубам.

– Как же ваши профессионалы упустили Потемкина? – съязвил Медведев, непроизвольно опуская взгляд к начищенному до блеска башмаку полковника. – Иван Васильевич, зачем вам Потемкин? Ведь мозг – Славка, а он у вас.

Коваль резко сжал губы. Глаза сквозь хищный прищур полоснули ледяным огнем.

– Бросьте валять дурака, профессор! – рявкнул он. – Мы не единственные ищем мальчишку. Илья подтвердит.

Хлесткий удар ладони по колену пригвоздил покачивающуюся ногу к полу. Заметив непонимание во взгляде Медведева, полковник улыбнулся.

– Илья – это мой сотрудник, Ванькин, вы с ним уже встречались! – пояснил он. – То, что создали вы, интересует не только нас. Да-да-да! Многие хотели бы добраться до вашего «Синариона», чтобы уничтожить информацию, которую он у них изъял. Еще больше людей хотели бы завладеть информацией, полученной вашим подопечным с других машин Сети. Хорошо, что у них нет такой возможности, плохо, что ее нет у нас. А ведь очень скоро и они узнают о роли наших хакеров в этом деле. И тогда Потемкину не поздоровится. Думаете, кто-нибудь станет уточнять, что он просто мимо проходил? Если к тому времени мои ребята не сумеют изолировать его так же, как Пугачева, ему не поздоровится. Не буду лукавить – мы тоже не альтруисты. И у нас в этом деле имеются свои интересы, но... Посмотрите, какая жизнь у парня. Пожилая мать, одна, – Коваль широким жестом обвел убогую квартиру, – хрущоба, мебель, место которой на свалке. Вы в холодильник загляните, – голос полковника смягчился. Иван Васильевич на мгновение превратился в заботливого родителя. – Конечно, мальчишку без внимания не оставим. Как только закончится эта канитель, определим к себе в спецшколу. Вы бы видели, как он от моих архаровцев с четвертого этажа сиганул! Без раздумья! И, главное, ведь ничегошеньки не повредил: встал и пошел. Да не пошел – побежал! Мои штурмовики

не решились повторить подобный трюк, потому-то он и скрылся. Талант у мальчишки! Нам такие орлы позарез нужны!

Глаза полковника словно бы вспыхивали при каждом слове. Зрачки едва заметно расширялись, притягивая взгляд и затуманивая сознание. Подчиняясь непонятному внутреннему зову, Медведев уже готов был поверить обещаниям Ивана Васильевича. Но тот, словно исчерпав запас внутренней энергии, неожиданно замолчал. Лишь устало прикрыл глаза и откинулся на спинку стула. – Решайте, профессор, с кем вы, пока вас не вытолкнуло на противоположную сторону баррикады. – Полковник невесело улыбнулся, показывая, что ему не нравится подобное развитие событий. – Кто не с нами, тот против нас, – пояснил он.

– Пугаете? – резко спросил Медведев, стряхивая сковавшее его оцепенение. Он перестал чувствовать заволаживающую силу гипнотического взгляда. – Видимо, не все у вас гладко, если и вы за мальчишкой бегаєте.

Хищник в глазах полковника вновь проснулся, заслонив собой милого и убедительного в своей искренности человека.

– Будь у меня разрешение начальства, вы бы давно сидели в камере, – Коваль потер висок указательным пальцем, потрогал аккуратный клинышек бородки. – Жаль, не хотите с нами сотрудничать, – произнес он и резко дернул головой, как будто наткнулся в своих мыслях на что-то важное, но незаслуженно забытое. – Кстати! Ваш Славик работает с моими ребятами, – выдержав небольшую паузу, Иван Васильевич притворно вздохнул. – Правда, код доступа к вашему «Синариону» мы от него так и не получили, но вы же знаете, что язык развязывать наши медики научились хорошо. Да-да-да! Я и сам надеялся обойтись без этого, но, видимо, не судьба.

Медведев вздрогнул. Мышцы рефлекторно напряглись. Он понимал, что полковник провоцирует его, но ничего не мог с собой поделать – его трясло.

– Сволочи! Он же просто подросток, которому бог дал больше ума, чем другим! Возможно, даже больше, чем нам с вами!

Кулаки непроизвольно сжались, и он ринулся вперед. Он не знал, что будет делать, когда сумеет достать Ковалья. Но стул был пуст и Медведев по инерции пролетел дальше. В то же мгновение в затылок ударила острая боль, парализующая тело, но не отключающая сознание. Пол резко прыгнул навстречу, больно ударил шершавой половицей по лицу и замер. Шевелиться не было сил, язык не поворачивался. Оставалось только лицезреть старые обшарпанные доски, местами сохранившие потрескавшуюся коричневую краску и широкие щели, сужающиеся в бесконечности. Где-то вдали послышались грубые голоса и перед глазами возникли массивные казенные ботинки.

– Смотри, сержант! – прогремел над головой сочный бас. – Скоро интеллигенты домушников без работы оставят.

Невидимый сержант заржал в ответ и промычал что-то нечленораздельное.

– Ладно, Кобрик, давай этого в машину, посидит в клетке, пока мы по городу мотаемся, а того, что орет как резаный этажом ниже, я допрошу сам. Нужно, чтобы он заявление о взломе написал, – продолжал басить голос над головой. – Взломщика взяли.

Медведева подхватили крепкие руки, потащили из квартиры, выволокли из подъезда на крыльцо, и запихали в милицейскую машину.

Глава седьмая

ПЕРВАЯ СТУПЕНЬ НОВОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Вскрыть себе череп и стать живым беспроводным нейро-мозговым интерфейсом – неплохой способ спастись от многочисленных преследователей

Только к вечеру измученный бесконечной беготней Потемкин добрался до деревянного лежака в теплом и (теперь уже) уютном подвале. Визит домой едва не стоил ему свободы. Выскользнув из рук полковника и его экипированных молодчиков, он весь день плутал по городу, замечая следы. Прячась по подъездам, всматривался в лица прохожих, пытаясь определить, кто из них интересуется его персоной, и очень скоро сделал необычный вывод: мир враждебен, агрессивен, и буквально каждый второй прохожий очень сильно напоминает замаскированного агента полковника Ковалю. Ужасно болели пятки, напоминая о безрассудной глупости-только идиот мог додуматься прыгнуть с балкона четвертого этажа. Хорошо хоть ноги не переломал. «Могло быть и хуже, – успокоил он себя, вспоминая изумленные лица спецназовцев и мелькнувшие перед глазами перила, – живи мы не в пятиэтажке, а в высотном доме, где-нибудь этаже на... десятом». Но не физическая боль волновала его сейчас. День, кажущийся бесконечным, наконец-то завершился. Погоня, крепыши в камуфляже, профессор, под машину которого он едва не влетел, все это осталось в прошлом. А что ждет его в будущем? Лежа на жестких сучковатых досках, он пытался понять, почему именно его угораздило вляпаться в невероятную, кажущуюся нереальной историю. Усталость брала свое, глаза закрывались сами собой.

– Тромб, что мне делать? – с трудом ворочая языком, поинтересовался он.

– Выражайся конкретнее!

Ему вдруг показалось, что голос Тромба звучит прямо в голове. Конечно, воин не может понимать всех прелестей жизни, обусловленных несовершенством человеческого организма. Он не чувствует усталости, боли, наверняка не знает страха. А эмоции? Дмитрий догадывался, что Тромб уже не просто компьютер и не программа. Знал он также, что именно это привело его, Дмитрия Потемкина, в вонючий подвал с голодными крысами.

– Я ведь не боец и не супераналитик. Я простой школьник, блин, и ужасно боюсь. Скажи, что мне делать, чтобы все про меня забыли?

Тромб молчал.

– Может, мне сдаться? Меня ведь все равно поймают – так же, как и Славку. И тогда они доберутся до тебя.

– Они и сейчас могут добраться до меня и отключить. Ты забыл, что я нахожусь на компьютерах «Медвежьей берлоги»?

– Кстати, а почему они не вырубili тебя до сих пор? – удивился Дмитрий, на минуту забывая об усталости.

Сладкая дрема, горячим туманом заполняющая мозг, на мгновение отступила.

– Они думают, что я «Синарион» – программный комплекс для сбора и обработки информации, добраться до которого можно, только имея код доступа. А код доступа, уверены они, у вас со Славкой.

– А если они все же доберутся до берлоги и вырубят компы?

– Я перестану существовать, если не успею сбежать, – тихо произнес Тромб, и Дмитрию вдруг почудилось, что в его голосе промелькнула нотка сожаления. – Им нужен «Синарион» со всей информацией, которую он добыл в Сети. Они не станут ею рисковать и напрямую взламывать систему, до тех пор, пока не будут уверены, что существуют другие варианты получения данных.

– Они захотят тобой управлять, – предположил Дмитрий.

– Я не дам им такой возможности, – Тромб констатировал факт, ни на секунду не давая усомниться в своих словах.

– Но тогда они точно вырубят тебя.

– Тогда меня не станет.

– А вот этого я не пойму! Ведь информация на дисках остается, даже когда питание компьютеров отключено.

– Я не просто набор символов, записанный на носителях. Я должен быть всегда. Я сам и носитель, и информация. Я могу меняться, могу терять часть себя, перемещаться с одного носителя на другой – но не прерываясь. Отключившись даже на мгновение, я перестану существовать, как единое целое, функционировать, как разум. Я снова превращусь в набор базовых программ и отдельных данных.

– Блин, не пойму! – вздохнул Дмитрий. – Объяснишь?

– Слишком сложно для тебя.

Дмитрий понимал, что сравнивать супермашину с собой глупо и бессмысленно, но справиться с обидой не мог.

– Придумай же что-нибудь, раз ты такой умный! – воскликнул он. – Я устал и не могу постоянно жить в вонючем подвале, как какой-то бомж! Я не боец. Я не такой, как ты. Я...

Неожиданно в ушах зазвучала незнакомая мелодия и мощный голос запел: «Вся жизнь впереди, надейся и жди!» Обида моментально улетучилась, и на смену ей пришло безмерное удивление:

– Ты шутишь! Но ты же...

Наушник вновь ожил и заскрипел теперь уже голосом ржавого робота:

– Ты хотел сказать – «программа»?

– Ну... – замялся Потемкин.

– Мы можем упростить твою жизнь. Но для этого ты должен согласился на небольшую операцию.

– Операцию?! – опешил Дмитрий, окончательно просыпаясь.

– Если быть очень кратким и не вдаваться в технические подробности, то небольшое изменение твоего мозга, – Тромб на секунду замолчал, – после которого ты сможешь принимать информацию с внешних устройств...

– Ты хочешь, чтобы я... Чтобы мою голову?! Чтобы... – закричал Дмитрий, заикаясь.

– Что с тобой? – проскрипел боец.

– Прекрати скрипеть! – Потемкин топнул ногой и резким движением руки попытался прогнать обнаглевших крыс.

Маленькие зубастые чудовища давно перестали обращать на него внимание. Наиболее шустрые и наглые из них вплотную подбирались к пакету с едой, купленной на последние деньги.

– Необходима небольшая правка. Совсем незначительная коррекция, – прошептал приятный женский голос в наушнике.

Дмитрию показалось, что он уже где-то слышал это легкое сопрано. «По телевизору? Нет – в клубе!» – вспомнил он, и тут же спохватился и завопил, не давая бойцу продолжать:

– Нет!

Он был зол: на себя, на Тромба, на весь мир. Крыса, подобравшаяся вплотную к его шнуркам, поплатилась за свою наглость. Ее тело взлетело в воздух, отброшенное резким ударом ноги, врезалось в стену и рухнуло маленьким подергивающимся трупиком на земляной пол. Дмитрий скривился, разглядывая изломанного грызуна.

– Я правильно понял? Ты хочешь вскрыть мою черепушку и слегка покопаться в мозгах? – спросил он, проклиная себя за то, что позволил втянуть себя в этот разговор.

– Не я, – продолжил Тромб, привычным, безжизненным голосом, – Есть медицинский комплекс, способный вживить в твой мозг миниатюрный имплантат. Я знаю, где его найти и как подключиться к управляющей системе. Это требует технической поддержки и помощи врача – но мы сможем обойтись и без помощников. Я уже рассчитал все необходимые параметры и переделал управляющие программы.

– Он уже рассчитал и переделал! – возмущился Дмитрий. – Я, наверное, должен быть очень рад тому, что искусственный разум, которому нет еще и месяца, лично написал прогу для бездушной железки, которая...

В его голове замелькала шатающаяся фигура в мятой полосатой пижаме. Свисающая ниточка слюны никак не могла окончательно сорваться с вытянутой губы, отсутствующий взгляд фокусировался на одной точке, затерявшейся где-то в бесконечности.

– Боже мой, только не это! – застонал Дмитрий, хлопая себя по лбу, словно хотел выбить неприятные видения из головы.

Страшные мысли без остатка заполнили его сознание, пугающие, такие, что лучше забыть. Оставить в прошлом. Но возможно ли убедить весь мир оставить его в покое, есть ли у него выбор? Дмитрий завопил, раздраженно срывая наушник:

– Не хочу даже слышать подобную чушь!

Уперся взглядом в бетонную стену. Посидел несколько минут в тишине. Послушав шуршащую за трубами хвостатость, вскочил и заходил из угла в угол. Тишина угнетала его, не выдержав долгого молчания, он вернул гарнитуру на место.

– Крови не будет. Микроскопический прокол черепной коробки плюс направленное облучение определенных участков мозга. Ничего страшного!

Дмитрию вдруг показалось, что Тромб пытается успокоить его. И делает это виртуальный боец слишком уж неуклюже, почти по-человечески. Или это от страха кажется? Откуда уверенность в голосе, словно на его счету десятки операций? И вообще, что может смыслить в медицине бывший бот компьютерной программы?

– Не хочу быть овощем, – произнес он, оправдываясь. – Без операции нельзя никак обойтись?

– Разве человек способен стать овощем? – поинтересовался безразличный голос.

«Показалось, – решил Потемкин. – Никаких эмоций».

– Любое вмешательство в работу мозга человека может превратить его в безвольную куклу, напоминающую растение.

Тромб, выслушав объяснения Дмитрия, некоторое время молчал.

– Как только операция закончится, мы сможем уничтожить любую информацию о твоём пребывании в институте. К тому же я уже утвердил твою фамилию в плане приемов на завтрашний день. Твоя фотография уже в компьютере охраны, а пропуск изготовят утром. Получишь его на входе, – продолжил боец. – У них профилактическое окно на один час. Техник с утра получит задание произвести необходимые изменения в аппаратуре. Об этом я тоже позаботился. У тебя полчаса. Другой возможности не будет. – На секунду голос Тромба умолк. – Решать тебе, но учти, что у нас почти не осталось времени. Через несколько дней они определят твоё местоположение, и тогда ты разделишь судьбу Вячеслава. Если и ты не дашь им кода доступа к моей системе, а ты не дашь, любая из служб решит, что ты слишком неудобный свидетель. И к тому же бесполезный. Что будет дальше – представляешь. Может, растение – не самый худший вариант? – голос безжалостного виртуального убийцы зазвенел металлом. – Не забывай, что Коваль недолго будет в одиночестве. Как только руководство обратит внимание на его доклады, тебя начнет преследовать целая организация, и ты не сможешь отсидеться в подвале. Они все равно найдут тебя.

– Если они такие крутые, то почему у них под носом бомбы взрывают? – Перепуганный Потемкин замолчал, вспомнив, что сам думал о том же, когда затеял этот разговор.

– Помимо поисков тебя, не санкционированных начальством, полковник Коваль пытается добраться до меня по официальным каналам, – продолжил Тромб. – Думаю, что он уже получил разрешение на доступ в лабораторию. Если нет, то получит в ближайшее время. А пока он ждет твоего появления. Существует только один путь противостояния врагу – обманные маневры, – в голосе бойца вновь зазвучали стальные ноты. – Мы заставим их поверить в то, что они победили, и отдадим им «Синарион». В тот момент, когда они попадут в «Медвежью берлогу», меня там уже не будет.

Дмитрий понял, что Тромб ждет от него единственно возможного вопроса. Он выдержал паузу и спросил:

– Где же ты будешь, умник?

– Если операция состоится, то завтра ты станешь не простым человеком. Ты станешь первым живым существом, обладающим беспроводным нейро-мозговым интерфейсом, – провозгласил Тромб. – Затем тебе нужно будет попасть в лабораторию, где нахожусь я. Это не сложно – тебя там давно ждут. Найдешь профессора Медведева и скажешь, что можешь общаться со мной. Учитывая, что в настоящий момент ни у кого другого такой возможности нет, профессор будет рад встретиться с тобой. Когда ты будешь рядом, я смогу перебросить себя на твой естественный носитель. Все просто.

Слушая электронного стратега, Дмитрий с ужасом понял, что, несмотря на ужасные картинки, созданные его воображением, он уже согласился. «Вот так всегда!» – подумал он и, проклиная свою сговорчивость, простонал:

– Интересно, я когда-нибудь научусь говорить «нет»?

– Разве так сложно из всех вариантов выбрать один, оптимальный? – поинтересовался Тромб.

– Все было бы значительно проще, если бы естественным носителем, как ты его назвал, не был мой мозг, – вздохнул Потемкин и решительно вскинул голову. – Завтра, говоришь? Ну что ж, завтра так завтра. А сейчас – спать!

Проснулся Дмитрий от громкого звонка. Сработал будильник. Быстро вскочив на ноги, он выключил телефон и, подойдя к подвальному окошку, выглянул наружу.

Только-только начинало светать. Холодный воздух лениво полз по улице. Стекая в подвальное окно и касаясь разгоряченного, пробуждающегося ото сна тела, падал к полу и оседал где-то в темноте, под лежаком, там, где металась дремавшие секунду назад крысы. Разбуженные шумом, они спешили побыстрее исчезнуть.

Дмитрий потянулся, тоскливо поглядывая на деревянный настил. Вот ведь парадокс: отвратительный жесткий лежак казался ему сейчас мягкой периной.

Небольшая разминка: в создавшихся обстоятельствах мышцы лучше держать в тонусе. Кто его знает, что нынче случится?

Позавтракать не удалось: четвероногие соседи оказались более проворными и позавтракали раньше него. Всеядные твари пробрались по трубе отопления к пакету и сожрали не только последние бутерброды, но и пахнущий едой полиэтиленовый мешок.

Стараясь оставаться незамеченным, он осторожно выбрался из подвального окна. Вздохнув полной грудью, так, что закружилась голова, огляделся и, не заметив ничего подозрительного, двинулся к ближайшей станции метро.

Улица встретила его свежестью морозного утра. Деревья, покрытые инеем, и чистый воздух составляли хороший контраст подвальному зловонию и пыльной серости. Спешащие мимо люди, не замечая очарования окружающего мира, двигались словно зомби, выполняющие заложенную в них программу, размеренно перемещая конечности – и, кажется, даже не осознавая своей индивидуальности.

Дмитрий неторопливо вошел в подземный переход. Вдоль стен – грязные дворняги, на входе в метро – кучка еще более грязных бомжей. Греются. Или собирают мелочь на пол-

литра. Судя по тому алчному блеску, который проскальзывал в их взглядах, устремленных на низкорослого узбека с зажатой в кулаке мелочью, должно хватить.

Все как всегда – вот только что-то в этой картинке показалось Потемкину неправильным. Проходя мимо содрогающихся от нестерпимого желания людей, он вдруг ощутил сигнал тревоги, мелькнувший на границе подсознания. Чувство опасности отозвалось напряжением мышц. Тело вздрогнуло в ожидании действий. Только миновав бомжей, Дмитрий понял, что его так встревожило. Грязная одежда висела на узбеке как на корове седло. Казалось, он существовал отдельно от покрытого жирными пятнами ватного стеганого халата. Оглядываясь назад, Дмитрий заметил пристальный взгляд. Почувствовав внимание, азиат изобразил полное безразличие к окружающим и сосредоточился на содержимом своей ладони. А, может, и в самом деле его интересовала лишь мелочь в руке?

– Тромб, ты можешь поискать этого типа в своих базах данных? – торопливо зашептал Потемкин в микрофон. – Включаю камеру, Тро-омб!

Наушник молчал. Придется выкручиваться самому. Остановившись возле киоска, он неторопливо осмотрел себя, пригляделся к входящим в метро горожанам. Каждый – личность, отдельная Вселенная со своими законами, которые остаются в силе, пока человек не попадает в толпу. Безликая масса сминает индивидуальность, заставляя каждого жить по законам стада.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.